

Глава I **СТРУКТУРА ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

§ 1. К постановке проблемы

В политической науке проблема собственного метаязыка выходит на первый план, когда научное сообщество, с одной стороны, вдруг замечает изнанку, неадекватность общепринятого научного языка описания новым политическим контекстам и, одновременно, с другой стороны, его связь с исчерпавшейся историко-культурной ситуацией мышления и неким политическим субъектом, которые эту политическую науку легитимировали. Кардинальная трансформация российской политики в последние 15 лет и смена ценностно-методологических парадигм политической науки, самих способов осмысления политической реальности находились в состоянии взаимной детерминации.

Эффективный подход к решению проблемы самоописания связан с вводимой нами в оборот политической науки концепцией метаязыка политической науки. С помощью концепции метаязыка становится возможным прояснение методологической структуры политической рефлексии. Метаязык представляет собой познавательно-аксиологическую структуру политической теории, с помощью которой мыслящий субъект способен тематизировать самого себя. Метаязык представляет собой теоретический язык «второго уровня», метафизику как объективацию «обычной теории», внутренний язык политической науки. Он не обращен непосредственно к политике как таковой, к анализу политической реальности. Его означаемым является не политика, а сама политическая теория. Поэтому если политическая теория является теоретическим языком, для которого объектом исследования является политика как таковая, то метаязык политической науки является теоретическим языком второго уровня, для которого предметом анализа выступает сама политическая теория как реальность, как текст, как язык-объект.

Метаязык политической науки – это методологически искусственно выделяемая структура языка, с помощью которого становится

ся возможным говорить о другом языке, т.е. языке политической теории. Последняя анализирует политику как объект (реальность), но не в силах объективировать собственные аксиоматичные представления. Политическая теория как научный язык описания не может одновременно вести анализ политической реальности и рефлексировать принципы этого анализа.

Таким образом, суть исследования состоит в выделении метаязыка политической науки как рефлексивной структуры теоретического субъекта, с помощью которой он уясняет самого себя. Метаязык политической науки структурно связан с аксиологическим выбором способа отношений означающего и означаемого в политической теории, закрепляемого в форме знака или символа. Он априорен и трансцендентален, будучи выявляем лишь через прерывание идеологической структуры самореферентного описания политики.

Метаязык априорен не сам по себе, но относительно политической теории. Когда политическая теория анализирует политическую реальность, она уже не задается вопросом о методе этого анализа, он известен и выбран заранее. Но с точки зрения того, что (или кто) определяет методологию политической теории, метаязык политической науки связан с аксиолого-методологическим выбором одного из соотношений означаемого и означающего, определяющего язык политической теории, которая, в свою очередь, описывает политику.

Априорность означает, что метаязык конструируется для анализа методологического аппарата политических теорий. Метаязык политической науки предшествует и во многом детерминирует «условия и формы опыта» политических теорий, связанные с особенностями их методологического инструментария и априорных аксиом познания. Осмысление конструктивных особенностей политической теории, определяющих их выводы и картину политической реальности, является априорным относительно самих политических теорий.

Метаязык политической науки – это набор базовых методологических противоречий, который предшествует политической теории. Часто политическая теория просто не осознает существо-

вания подобного фундаментального выбора на ценностном уровне, тем не менее активно используя свой неизбежный, но бессознательный выбор в политических исследованиях.

Рефлексивность метаязыка представляет собой саморефлексию политической науки, размышление теоретика относительно собственных методологических и ценностных оснований мышления, которые обуславливают форму рефлексий «политических ученых» о политике.

Трансцендентальность метаязыка политической науки относительно политической теории выражается в том, что фундаментальные методологические дилеммы, лежащие в его основании, являются предметом трансцендентального соглашения научного сообщества относительно основ собственно политической науки: ее методов, понятий, смыслов, языков описания, «систем фраз». Подобное соглашение предшествует и определяет саму возможность политической науки.

Обращение к этим дилеммам, а тем более их интерпретация предполагает выход на недоказуемые в рамках политической науки идеологические аксиомы политического познания, на соотношение научного знания и веры, власти, идеологии. Выбор модели метаязыка политической науки можно осознать и обосновать только на ее нормативном уровне. Наличие подобного уровня признается отнюдь не всеми политологами.

Политическая теория рассматривается нами в рамках структуралистского подхода как искусственный научный язык, призванный описывать язык естественный, т.е. язык политики и политиков. Этой разбивке соответствует также феноменологическое разделение на естественный «жизненный мир» политики как объект описания и описывающую его «систему» (теорию). В этом контексте политическая теория анализирует политику, выступая как «метаязык политики». Выделяемый нами «метаязык политической науки» является искусственным языком описания «второго уровня», призванным описывать теоретический язык первого уровня, язык-объект, т.е. политическую теорию или политическую науку, которые используются нами в контексте данного исследования как синонимы.

Политическая теория, описывая жизненный мир политики, не может одновременно заниматься самонаблюдением, анализировать, «как и с помощью чего» ведется это описание. Для этого и выделяется метаязык политической науки как способ наблюдения за наблюдателем. Метаязык как комплекс норм, ценностей, представлений, дилемм определяет историческую аксиоматику теоретического политологического языка. Историческая трансформация метаязыка – миф, теология, идеология, нарратив – влечет изменение актуального типа политической «научности» в ее широком понимании: магического, теологического, экзегетического, идеологического, пострационального и т.д.

Метаязык не есть что-то идейно целостное, наоборот, это набор фундаментальных познавательных дилемм, априорный выбор внутри которых определяет существенные характеристики той или иной модели метаязыка, детерминирующей ту или иную политическую теорию.

Таким образом, областью нашего исследования является система политического знания как совокупность политических/политологических текстов, включающая в себя и политическую науку. Эта совокупность структурируется нами в виде ряда моделей метаязыка политической науки. Метаязыковые модели детерминируют методологические и аксиологические принципы политического знания, рефлекслируемые посредством выделения дискурсивной структуры политического познания. Смысл исследования, соответственно, заключается в том, чтобы выявить структуру метаязыка политической науки как метапарадигмальную основу политической теории и описать ее влияние на ценностно-познавательные парадигмы политического знания.

Эта задача распадается на ряд проблем, связанных, соответственно с: а) определением методологических оснований политической науки, смысловых координат и априорных дилемм, в рамках которых происходит структурное и нормативно-идеологическое оформление политической теории; б) осмыслением исторической трансформации метаязыка политической науки, связанной с «лингвистическим поворотом» системы политического знания от

идеологии к нарративу; в) отслеживанием того, как различные методологические модели метаязыка политической науки воплощаются в содержательных парадигмах политической теории на примере российского политического универсума.

Структуралистскую иерархическую схему основных объектов нашего исследования можно представить в таблице 1.

Таблица 1

1. ↑↓ Знак ↔ Символ (шифр, код, принцип (структура) связи означающего-означаемого)
2. ↑↓Текст 1 (политическая теория/идеология – язык-объект как развернутый код или текст)
3. ↑↓Текст 2 (метаязык – текст о тексте, метатекст)
4. ↑↓Политика (генератор кодов – реальность)
5. ↑↓Культура (контекст политики)

Проблема метаязыка описания и социальной «сконструированности» научных теорий общества, человека, политики достаточно хорошо разработана в антропологии, социологии и политической философии, однако ее введение в оборот политической науки наталкивается на ряд препятствий теоретического и практического характера. Отчасти невнимание отечественных исследователей к методологическим проблемам вызвано стремлением установить хотя бы минимальный уровень теоретического согласия по поводу основ политической науки, пережившей в новейшей отечественной истории ряд фундаментальных потрясений и смену самой парадигмы политического знания.

Трудность самого подхода к давно назревшей проблеме связана преимущественно с тем, что отечественная политическая наука восприняла в качестве нормативной позитивистскую англосаксонскую модель, с ее тактикой культурной и моральной нейтральности, эмпиризмом, объективизмом, прогрессизмом, которая затрудняет обращение к самоосмыслению теоретического субъекта и метаязыку политологического исследования. Поскольку для выхода на метаязык политической науки требуется не просто описание политики в рамках той или иной теоретической парадигмы, но вы-

ход на политико-идеологические контексты и метод описания, на нормативный уровень политической науки «объективацию объективирующего субъекта» (П. Бурдьё) и «наблюдение за наблюдателем» (Н. Луман), средства позитивистской модели политологии, метод которой накладывает запрет на обращение к «макротеории» и «метaparадигме», для этого не подходят.

Выход на уровень метаязыка возможен только путем рефлексии политической науки в целом, что предполагает выход на границы научности политической науки, на то, что их устанавливает. Речь идет о восстановлении «черновика», контекстуального плана политических парадигм, путем возвращения их в исторические и социокультурные контексты, в рамках которых они оформляют образцовую модель политической научности.

Будучи направлен на политическое в целом, метаязык действительно во многом конструируется «извне», но вовсе не «вне» политической науки. Критическая политическая теория, связанная с именами К. Маркса, К. Манхейма, Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Э. Фромма и др., парадоксализируя и негативируя политику, моделирует важные составные аспекты политической теории, приоткрывая «проклятую сторону вещей», о которой умалчивает доминирующий дискурс политической науки, связанный с апологией здравого смысла и легитимацией власти.

Особое внимание нами уделено интерпретации различия познавательных структур идеологии и утопии, введенного К. Манхеймом и переносимого нами на политическое знание в целом. В данном случае утопия является теоретическим конструктом, взрывающим слишком очевидные властно-идеологические аксиомы политического знания, что облегчает осмысление онтологических политических истин, связанных с движением истории, изменениями, различиями, контекстами.

Модели политологических метаязыков выделяются нами главным образом путем перенесения структуралистской методологии на политическую науку. Особое значение в данном контексте имеют труды Р. Барта, разработавшего структуру метаязыка как языка «второго порядка», для которого означающие доксического

политического языка являются референтом, означаемым, начальным условием политологической саморефлексии.

§ 2. Знаковая и символическая модели метаязыка политической науки

Аксиома знака и аксиома символа лежат в основании двух фундаментальных метаязыков политической науки. Структура знака до начала XX в. доминировала в науке и определяла от имени разума границы «научности» как таковой. Несмотря на антагонизм познавательных принципов знака и символа, они являются комплиментарными в политическом дискурсе, т.е. восполняющими конструктивные, методологические недостатки друг друга. Подробное рассмотрение свойств знака и символа связано с тем, что из них вытекают аксиомы и принципы познания основанных на них моделей теоретических метаязыков, определяющих структуру дискурса политической науки. На основе языка как трансцендентального объекта, прерывающего самореференцию политического знания, становится возможным структурирование ценностно-методологических моделей метаязыка политической науки: знаковой и символической.

Необходимо различать: а) символический метаязык (знаковый метаязык) как метод и метапарадигму политического исследования, набор его ценностных эпистемологических аксиом, с помощью которых постигается и переводится в теоретическую форму политическое как таковое; б) символ (знак) как непосредственную структуру или форму, в которой производится и транслируется политическое знание в виде теорий, схем, концепций и т.п.

Знак – единственно возможная, исключая «все иное» форма взаимосвязи означающего и означаемого как абсолютного тождества, легитимированная «классической эпистемой» (М. Фуко) науки. Только в рамках «знаковой» научной формы знания формулировались политические истины Нового времени и было возможно само «научное» знание о политике. Символ своей структурой размывает это единственно возможное отношение означающего и означаемого, обнаруживая их несовпадение, нетождественность, возможность «иной»

политической истины. Знак профанизирует сакральное, подчиняя его имманентному – опыту, разуму, логике, здравому смыслу; символ сакрализует профанное, обнаруживает недискретность политической реальности, наличие в ней различных слоев, помимо верифицируемого с помощью принципа знака.

Иными словами, знак (символ) представляет собой структурирующий принцип научного метаязыка, микромодель «научности», с помощью которой производят и легитимируют истинные заключения. Выявляется такой структурирующий принцип путем анализа метаязыка исследования, т.е. взаимосвязи текст-контекст, где контекст парадигм, методов, ценностных установок обосновывает истинность и научность политического знания (текста).

Осмысление исторической совокупности политических теорий и подходов через структуру политических метаязыков связано, в свою очередь, с языком вообще как проформой и первоначалом любого доступного смысла, различения смыслов и их обмениваемостью в ходе политической коммуникации. Абсолютно первичной матрицей, за которую мы в принципе не можем выйти в представлении, условием мышления является язык, дающий в методологическом плане разбивку на знак и символ. Поэтому матрица политики, т.е. правила игры, формы представления и методологические принципы в области политики, может быть структурирована как модель метаязыка. Язык сам по себе распадается на знаковую (формализованную) и символическую (герменевтическую) модели. Эти модели обладают исторической динамикой, их соотношение легко выявляется при редукции политической теории к языку. Более того, рассмотрение политики (власти) сквозь призму теории языка избавляет исследователя от детерминации исторической формой научности, связанной, например, со специфическими формами рациональности Просвещения и Модерна.

Язык опосредует политику для теоретического субъекта, поэтому политическое действие всегда можно свести к речи или тексту, представить как знак или символ. Споры, связанные с «концом идеологии», приводят к появлению «иной» модели метаязыка политических наук, организованной в соответствии с возможностями и логикой символа, что обусловлено движением от структурализма

к постструктурализму. С изменением научного метаязыка меняются и формы мышления, их контексты, а в итоге и представление о власти, причем вместе с самой властью.

Содержательная интерпретация знака и символа исключительно противоречива: от символа как незавершенной проформы знака, символа как отклонения от знаковой формы, символа как модуса знака – до символа как универсального означающего, характерного для любой культуры содержательного элемента, обуславливающего глубинное единство человечества. Зачастую знак и символ просто отождествляют и используют как синонимы.

Очень емко формулирует проблему французский лингвист Цветан Тодоров: «С одной стороны, на практике знаки постоянно трансформируются в символы, каждый знак обрастает бесконечным числом символов. С другой стороны, в декларациях теоретического характера постоянно утверждается, что все является знаком, что символов не существует или они не должны существовать»¹. Кардинальную важность имеет не просто различие, но противопоставление знака и символа как фундаментальных принципов разных научных методов познания. Количество теорий символа неисчерпаемо, поэтому далее мы приведем лишь важнейшие подходы к интерпретации сути и свойств символа в его отличие от знака, наиболее ценных с точки зрения задач, поставленных в данной работе.

Проблема противопоставления знака и символа генетически происходит от антагонизма логоса и мифа в греческой философии как двух форм языка, а следовательно, и двух форм восприятия речи: прескриптивного объяснения (позитивизм) и денотативного толкования-интерпретации (современная герменевтическая практика), например, в виде комментария или прорицания. Отсюда же две концептуальные формы познания: метафорическая риторика и аналитическая логика. Принцип логоса в современном понимании ассоциируется с языком науки Нового времени, с моделью рационализма, данной Декартом и Бэконом, которая поставила во главу

---

¹ Тодоров Ц. Теории символа. М.: Дом интеллектуальной книги. 1998. С. 261

угла человеческий рассудок, лишив его при этом каких-либо трансцендентных оснований в обмен на объективность в сфере имманентного. Соответственно, миф связан не с принципом знания, но с принципом веры, чем-то эмпирически не верифицируемым, иррациональным и интуитивным, что не может претендовать в рамках идеологии европейского рационализма на истину. Отсюда противоречие толкования, связанного с индивидуацией, субъективностью и непрозрачностью знания, которое не всегда может быть передано другому, и научного объяснения, которое принимало во внимание лишь то, что можно без потерь сообщить другому. Несмотря на то, что способность объяснить не всегда тождественна пониманию, именно объяснительные конструкты господствовали и объявлялись всеобщими.

Научное мышление, осознавая заявленное противоречие, т.е. принципиальную разбивку языка на логику знака и логику символа еще до начала «собственно научных» исследований, стремится его разрешить, сделав язык только инструментом познания. И здесь, по замечанию М. Фуко, можно наблюдать «борьбу двух тенденций, где методы интерпретации противостоят приемам формализации. Первые пытаются заставить говорить язык из его собственных глубин, приблизиться к тому, что говорится в нем, но без его участия (бессознательное языка у Фрейда, поэтическое мышление как установка философствования у Хайдеггера). Вторые пытаются контролировать всякий возможный язык, обуздывая его посредством закона, определяющего то, что вообще возможно сказать (Рассел, Витгенштейн)»¹.

В историческом аспекте «метарассказы» (в терминологии Ж.-Ф. Лиотара), которые определяли границы политического, его содержания и структуры, цели и ценности, иными словами, парадигмы имманентного политического мышления, – варьировались. В античности в качестве нормативного дискурса в политическом пространстве выступали философские системы. Образы должного и недолжного правления, политическая этика, фор-

---

¹ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М.: А-сэд, 1994. С. 323.

мы политического участия, ценности и идеалы пребывали в зависимости от соотношения микрокосма и макрокосма в доминирующей философской системе.

С распространением христианского учения политическое выстраивалось по образцу божественного вероучения. Секуляризация и формирование национальных государств привели к зависимости метаязыка описания политического от рациональной науки. Последний этап, связанный с поворотом к языку, поставил политическое в зависимость от господствующего дискурса «доксического» опыта политики как опыта политического бытия, данного в языковой форме.

Все, что задает трансцендентный масштаб политического, представлено символом, «знаком бесконечного в конечном». Имманентные политические теории и схемы, наоборот, стремятся удержать политическое неизменным и независимым от порядка «иноного». Они реализуют политические технологии власти, которые стремятся закрепить актуальную конечность до бесконечности, превратить ее в «конечную бесконечность»¹, подчинив ее имманентному принципу знака.

Проникновение в политическую теорию символа связано с «кризисом» или постмодернистским «преодолением» идеологического состояния политики, основанного на привилегии структуры знака и легитимизируемого ей политологического метаязыка. Обзор качеств и свойств символа, данных ниже и противопоставляющих его знаку, в привязке к моделям политологических метаязыков, ориентирован на контекст данной работы, на взаимосвязь и детерминацию власти, знания и описывающего политику метаязыка, а не на теорию символа вообще. Нас интересовали, прежде всего, вклады традиций мышления: герменевтической, феноменологической, диалектической, структуралистской – работы авторов, концепции символа которых не только были конвертированы в политический дискурс, но и продолжают оказывать существенное влияние на его метаязыковые модели.

---

¹ «Конечная бесконечность» является одной из теорий природы Вселенной в современной физике.

По Гегелю, «знак отличен от символа: последний есть некое созерцание, собственная определенность которого по своей сущности и понятию является более или менее тем самым содержанием, которое он как символ выражает; напротив, когда речь идет о знаке как таковом, то собственное содержание созерцания и то, знаком чего оно является, не имеют между собой ничего общего»¹. Здесь символ прозрачен, он как бы пропускает исследователя через означающее к содержанию, в то время как значение знака скрыто, затемнено, т.е. природа означающего знака такова, что через него не видно означаемого. Природа знака коренным образом связана здесь с его конвенциональной компонентой как результатом соглашения, договора. Символ же противопоставляет условно-абстрактной природе знака что-то вроде непосредственного доступа к природе вещей, их самости, что связано не с условностью рационального соглашения, но скорее с духовным прозрением их сущности.

А.Ф. Лосев, также работавший в диалектической традиции, формулирует даже аксиому символа: «Всякий знак может иметь бесконечное количество значений, т.е. быть символом»². Здесь символ определяется отталкиваясь от противного, от понятия знака. Сам знак, по Лосеву, определяется как «акт человеческого мышления, отражающий собой ту или иную систему смысловых отношений в мыслимом им и независимо от него существующем предмете»³. Иными словами, поскольку мышление и бытие тождественны, то знаки языка адекватно отражают бытие в духе ленинской теории отражения. Однако, с другой стороны, Лосев пишет, что «значение знака есть знак, взятый в свете своего контекста», что обуславливает его смысловую мобильность и изменчивость. Но все нежелательные взаимосвязи и ассоциации отрезаются установлением единственно возможного, нормативно-общепринятого контекста. Обозначение всегда осмысленно, а все осмысленно обозна-

---

¹ Гегель Г.Ф.В. *Философия духа* // Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 294-295.

² Лосев А.Ф. *Знак. Символ. Миф* // Труды по языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 64.

³ Там же. С. 94.

ченное является результатом функций смыслового знака. И так, смысл знака состоит в отражении означаемого. Символ же выступает как «идейная, образная или идейно-образная структура, содержащая в себе указание на те или иные, отличные от нее предметы, для которых она является обобщением и неразвернутым знаком»¹. Причем если знак следует логике референциального подобия, то логика символа указывает, прежде всего, на определенный способ порождения смысла и артикуляции мысли. Таким образом, символ вещи есть ее смысл, порождающий и конструирующий ее. Символ выступает как модель вещи. Символ не является абстрактным обобщением однородных вещей, он скорее, наоборот, указывает на их глубинное тождество. По Лосеву, «символ вещи есть ее закон, который смысловым образом ее воспроизводит, оставляя при этом нетронутой ее эмпирическую конкретность»².

П. Рикер, опираясь на герменевтический подход, пишет: «Я называю символом всякую структуру значения, где один смысл – прямой, первичный, буквальный, означает одновременно и другой смысл, косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят только лишь через первый»³. В связи с этим определением, по Рикеру, символ нельзя понять однозначно и окончательно, т.е. раз и навсегда установить его смысл, но можно лишь интерпретировать. Интерпретация при такой постановке проблемы выступает как работа мышления, направленная на расшифровку смысла, скрытого за очевидным, раскрытие более глубоких уровней значения, стоящих за значением буквальным. На подобной установке основана герменевтическая практика интерпретации текстов, исходящая из их интенций, на основании не того, что в них говорится буквально, а того, что они хотели бы высказать.

Довольно схожей трактовки символа придерживается К.Г. Юнг. Он исходит из того, что в языке необходимо различать знаки и

---

¹ Лосев А.Ф. Символ // Философская энциклопедия. В 5 т. М., 1970. Т.5. С. 10.

² Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 65-66.

³ Рикер П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. С. 18.

символы. Знаки не являются строго описательными. Сами по себе они не несут никакого смысла, но приобретают его в результате всеобщего употребления или предзаданным образом. Эти знаки лишь обозначают объекты, к которым относятся. Юнг называет символами «термин, имя или изображение, которые могут быть известны в повседневной жизни, но обладают специфическим добавочным значением к своему обычному смыслу. Это подразумевает нечто смутное, неизвестное или скрытое от нас»¹. Таким образом, слово или изображение символичны, если они подразумевают нечто большее, чем их непосредственное, очевидное значение. Конечно же, Юнг имеет в виду прежде всего более широкий «бессознательный» аспект, который всякий раз точно не определен, и даже надеяться раскрыть его полностью нельзя. По Юнгу, когда мы исследуем символ, он ведет нас в области, не только лежащие за пределами здравого рассудка, но и детерминирующие его извне. Человек прибегает к символической терминологии, когда ему необходимо объяснить понятия и явления, которые лежат, как правило, за пределами его наглядного понимания, очевидности и здравого смысла. Любая религия, наука или искусство пользуются по этой причине символическим языком образов.

Символы всегда в той или иной степени бессознательны, а бессознательное целиком символично, поскольку оно имеет предшествующий логике и любым формам рациональности характер. Рациональность является преобладающей характеристикой индивидуального мышления, тонкой пленки сознания, коллективное бессознательное, наоборот, иррационально, символично, божественно. Кроме того, Юнг убедительно показал в работе, посвященной феномену НЛО², что наблюдатели, в том числе и ученые, отрицающие собственную подверженность приемам символического мышления и полагающие, что наблюдают за знаками других, как правило, наблюдают и исследуют в объективированной форме собственные символы.

---

¹ Юнг К.Г. Подход к бессознательному // Архетип и символ. М., 1991. С. 26.

² Юнг К.Г. Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе. СПб., 1993.

Аналогичных взглядов придерживается и Ж. Лакан, считающий, что бессознательное являет собой символический дискурс Другого, структурированный как язык. Символ трактуется Лаканом как субститут отсутствующей вещи.

В политическую науку символическое на уровень теории проникает позже всего. Любое «неисключенное третье» требовало своего безусловного «перевода» на доминирующий метаязык знаковых моделей политики, отказ от которого до некоторых пор был равнозначен отказу от «научности» как таковой. Таким образом, политика анализировалась только на уровне здравого смысла, лишённого символической патологии, неспособность встроить которую в пространство представления, формируемое «классической эпистемой» науки, бросала вызов ее универсальности в области познания.

Символы сами по себе, т.е. политическая символика, конечно, присутствовала в политике всегда. Однако символическое подчеркнуто описывалось как нечто «иное», трансцендентное и даже «лишнее» в рационализированной ситуации политики, в которой протекает ее научное осмысление. Символическое относилось к «иррациональной среде» политики. Поэтому вхождение символических теорий и моделей метаязыка в политическую науку происходило первоначально из смежных сфер знания, не столь сильно детерминированных изучаемым объектом. Символическое входило в политическую науку «с черного хода»: через политическую психологию, психологию масс и лидеров, теорию языка, политическую философию, теории манипуляций, политическую герменевтику как анализ текстов и т.п. Однако после подтверждения эффективности и релевантности символических метаязыков применительно к политическому полю сам собой возник вопрос о возможной когерентности, взаимосвязи символического и политического.

Важную роль в формировании новой ситуации мышления в политике сыграл упадок «больших идеологий». Состояние «конца политического» означало именно конец политического как идеологического и тотального, конец доминирования метаязыковых моделей и концептов, которые могли, хотя бы в принципе, претендо-

вать на статус универсальных структур, объясняющих политическое. В данном случае символический метаязык не мог проникнуть в политическую науку, не ставя под вопрос знаково-энкратический метаязык политики, не тематизируя сам принцип анализа политического как идеологического.

Власть, будучи «рассекреченной» в политическом дискурсе знака, активно ищет способы легитимации в новом символическом дискурсе о политике, что ведет, во-первых, к трансформации нормативной природы власти как означающей системы в новой логике символа, во-вторых, к появлению новых идеологем легитимации и методов воздействия.

Отсюда проистекает и «конец политического», и «состояние Постмодерна», наступающее в политике после конца «большого идеологического стиля».

До XX в. символичность ассоциировалась с неполноценностью и отклонением от научного способа мысли. Проводилась прямая параллель между безупречным научным знанием, оперирующим систематическими знаками, и мифологией, которая следует логике символа. Поэтому роль символа сводилась, как правило, к роли предшественника аналитического знака, на основании которого только и может строиться истинно научное знание. Лишь с оформлением постструктурализма, психоанализа, герменевтики с их критикой универсальной нормы, идеологичности политического знания и, соответственно, заявлениями о множественности возможных норм, аксиоматичность знака стала проблематичной. Вновь стал нарастать интерес науки к символу, дающему более плотный и насыщенный жизненный мир. Политика, описываемая символическим метаязыком, вновь обнаруживает свое «утраченное» трансцендентное измерение.

Во многом сходные выводы делает Э. Фромм, который считает, что «язык символов может по праву претендовать на звание единственного универсального языка из всех когда-либо созданных человеком»¹. Фромм выделяет три вида символов: условные, которые по сути своей являются конвенциональными знаками; случай-

---

¹ Фромм Э. Забытый язык // Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 180.

ные, основанные на связи означаемых и означающих в уникальном опыте отдельных людей либо их локальных групп, и универсальные¹. Главным отличием последних является «внутренняя связь между символом и тем, что он обозначает». Подобные символы Юнг называет архетипическими, укорененными всей человеческой историей, отшлифованными опытом поколений. Именно в природе универсальных символов отражаются фундаментальные закономерности мышления и воображения, которые в понятном для всего человечества виде отражают внутренние состояния человека, движения его души еще до того, как изначальный символический язык (таков, например, язык сновидений, то, что ранее именовалось «навь», подавленный разумом – логикой «яви») распался на свои условно-конвенциональные модели, которые представляют современные языки.

Итак, знак является одновременно ценностным принципом и структурой описания политики. Структура знака является более жесткой, базовой в отношении его возможных значений. Она лежит в основании классического метаязыка политической науки как тождества означаемого и означающего, бытия и мышления. Здесь политическое представление функционирует только в рамках наличия, непротиворечивости, полноты и тождества слов и вещей. Теория исчерпывает бытие в его самотождественности. Знак как принцип познания нацелен на выявление универсальных структур, общих понятий и схем, в которые вписывается все наличное. Знак всегда неявно заявляет приоритет умопостигаемого (идеи) над чувственным многообразием опыта, нормативного над эмпирическим, идеального над материальным, номотетического над идеографическим (М. Ильин) в форме жестких асимметричных оппозиций мышления.

Бинарная оппозиция знак-символ, аналогичная противопоставлению научного логоса и ненаучного мифа, должна была поддерживать авторитет «классической эпистемы» науки. Считалось, что цивилизованные «разумные» люди свободны от недостатков символического мышления, которое характерно для других – жи-

---

¹ Фромм Э. Забытый язык. С. 185-187.

вотных, детей, дикарей, сумасшедших, мыслящих символически. Различного рода культурологические, идеологические табу не допускали мысли о символизме собственного научного метаязыка, отождествляемого с непогрешимым универсальным логосом, опирающимся исключительно на «аналитические знаки».

То есть до недавнего времени считалось, что «описания диких символов, знаков других, по сути, превращаются просто в дикие описания наших собственных символов. Однако наше мышление на самом деле пользуется теми же приемами, что и мышление «первобытных» людей. В этом смысле мы не можем сравнивать себя с ними в терминах превосходства. Демистификация собственного мышления сложна тем, что непосредственно затрагивает собственные привычки мышления, их далеко не безупречную основу. В свое время она началась с разоблачения ряда центризмов: этноцентризма (К. Леви-Стросс), антропоцентризма (М. Фуко), логоцентризма (Ж. Деррида) и т. п.»¹.

Таким образом, прескрипционность властного знака как тождества знания-власти сменяется терпимым к «иному» символом, что влечет как изменение отношения познания к миру, так и изменение самого мира. Власть оказывается неспособной с помощью знакового метаязыка политического познания оформлять замкнутый идеологический дискурс политики. Политическое знание выходит за пределы «классической эпистемы» (М. Фуко) знака и поневоле открывает собственную символичность, которая подсознательно ощущалась как неудовлетворенность знаковым метаязыком и «общечеловеческими», «вневременными» политическими теориями и моделями. Структура научного представления оказывается неполной, а значит не универсальной и неистинной. Потребность власти в более эффективной легитимации выливается в поиск новых методологических принципов, соразмерных расширившимся границам знания. Такую возможность политическим идеологам предоставляет структура символа, на новых принципах организующая политическое пространство представления.

---

¹ Тодоров Ц. Теории символа. С. 262-263.

Символ же как принцип познания как раз и акцентирует внимание на оригинальном, единичном. Символ основан на метафоричности – объединении по сходству, и метонимичности – синтезе по смежности. Эвристичность символа определяется тем, что он дает возможность прорваться за пределы самотождественности, которой живет знаковый метаязык политики и в рамках которой он только и властен. Символ внимателен к неполноте и различию, он сосредоточен на становящемся в противовес ставшему. Символ связывает научное мышление с воображением. Если знак отменяет время, то символ обращает внимание именно на конечное, т.е. временное.

Только опираясь на символы, мы можем попасть в то пространство разрыва, перехода и становления, когда ставшее еще не было таковым, выявить тот скачок, который привел к установлению такого соотношения знания-власти, которое с помощью структуры знака стремится победить время, внушить веру в свою незыблемость и естественность. Символ внутренне противоречив и не равен сам себе в подвижности своего смысла, в то время как знак является принципом метафизики, с помощью которого структурируется любое метафизическое размышление. Поэтому знак метафизичен в буквальном смысле как **нечто**, что за пределами «политической физики» ее объединяет, схватывает в структуре всеобщего и целого. Речь идет, прежде всего, об универсальных идеях, их приоритете над означаемым, политическим праксисом, в силу чего метафизичность знака приравнивается к его идеологичности как господству бытия идей над тем, *как* и в *чем* они реализуются, господству вневременного над временным, универсального над единичным, бесконечного над конечным и т.д. То есть нормативные, конвенциональные, субъективные законы политики, являющиеся предметом конвенции, ложно отождествляются с объективными, независимыми от человека законами природы.

Символ неизменно связан с поливалентностью смысла. Отсюда интерпретативность и нетождественность самому себе в пространстве политического представления. Знак – это носитель любого однозначного фиксированного смысла. Символ – это знак, потенциально заключающий в себе множественность смысла. Смыс-

лы символов часто определяются контекстуально, коннотативно, ситуативно, а план выражения в структуре символа господствует над планом содержания. Можно сказать, что знак относится к символу так, как прямой смысл слова относится к его всевозможным переносным смыслам. Поэтому в определенном смысле символическое значение аналогично косвенному, выступающему в виде различных тропов, например метафоры или аллегии. Троп всегда связан с переносом, аналогией, аллегорией, смещением прямого значения: троп не говорит прямо (констатация), он намекает и подразумевает, оставляя простор интерпретации, фальсификации, различию. Например, А. Лосев прямо дифференцирует схему, символ и аллегию по степени соотношения в них означаемого и означающего¹. Если схема (план) являет собой полное поглощение инвариантным означающим практически любого оригинального и отклоняющегося от нее конкретного содержания, тем самым как бы выхолащивая его, а аллегия, наоборот, представляет полное доминирование «плана выражения» над «планом содержания», то символ есть мера гармонии означающего и означаемого, их взаимодополнение и обогащение.

Еще одно важное различие связано с тем, что символ по своему генезису мифичен. Здесь мы отталкиваемся от определения мифа А. Лосевым в «Диалектике мифа»², где он предстает как «чудесная личностная история», персонализированное бытие или же, в еще более простой трактовке, как «развернутое магическое имя», являющее собой способ ухода от обезличенного, абстрактного научного бытия, модели научной истины с императивами универсальности, объективности, незаинтересованности, системности и т.д.

Различие понятий «значение» и «смысл», используемых в данной работе, аналогично различению знака, выполняющего функцию означивания и указывающего на некое тождество, и символа, претендующего на выражение сокровенного смысла, а потому многозначного, зачастую смутного и не сводимого к поверхно-

---

¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат. 1991. С. 44-48.

² Там же. С. 169-170.

стному, одномерному «значению». Здесь смысл представляет собой нечто самоценное. «С – мыслью» – смысл как сама мысль, платоновская идея, что рождается вместе с ней. Значение – всегда значит что-то для кого-то и, как правило, в чем-то, т.е. строго заданном контексте. В этом его относительность, определенная некоей условной, заданной системой координат. Смысл – «по ту сторону» и «прежде» утверждения истинности/ложности. Только уже осмысленное предложение может быть истинным/ложным, но не наоборот. Осмысленным высказываниям противостоят только бессмысленные, которые не могут иметь значения. Иными словами, только на осмысленное предложение может накладываться то или иное значение, в зависимости от входящих в него переменных и характера взаимодействий с другими предложениями. Семиологическая сетка значений всегда накладывается на ту или иную смысловую интерпретативную модель, обнаружение которой зависит от применяемой методологии.

Любая структура значений, обозначающая система связана с конкретной политической практикой и системами ценностей. Она заинтересована в том, чтобы сохранять видимость своей объективности, а тем более универсальности, скрывая свою ангажированность, представляясь как нечто естественное, природное, т.е. самодостаточное. Итак, знак связан со значением и категорией устанавливающего значения рационального рассудка. Символ связан со смыслом и стоящим за ним разумом, который не поддается полному контролю и присвоению внешними инстанциями, поскольку самопротиворечив: «Главное отличие между рассудком и разумом – это запрет на противоречия в сфере рассудка и допущение противоречий в сфере разума»¹. И. Кант связывал научный рассудок с талантом, разум – с гениальностью.

Символ играет на маргинальных смыслах, воскрешает «проклятую сторону вещей», в то время как знак всегда связан с бинарным кодом истина/ложь, норма/патология. М. Фуко² показал, что установление нормы является способом легализации доминирую-

---

¹ Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. М., 1988. С. 355.

² Фуко М. Слова и вещи.

щего дискурса власти и распространения его с помощью как научно-познавательных, так и дисциплинарных практик на общество в целом. Например, в Европе современное понятие труда, сформировавшееся нетерпимостью к нищим как изгоям, которые должны быть изолированы от праведного, трудящегося общества, и протестантизм, легитимировавший новую трудовую этику, «труд – как молитву», продемонстрировали совершенно новую матрицу смыслов. Эта матрица – классическая эпистема Просвещения, которая задала самой своей структурой познавательное, проблемное и методологическое единство всего корпуса общественных наук в рамках новой исторической эпистемы. С помощью подобных методологических ходов формулировались современные дефиниции разума, истины, власти, здоровья и т.д.

Интересны сами исторические обстоятельства, связанные с постепенным отождествлением истины и нормы, с последующим вытеснением и замещением первой на вторую, так как структура знака всегда выстраивается именно как нормативная. Таким образом, борьба за власть выступает, следуя структуре бинарного кода истины, в виде борьбы за обладание нормой, за право ее устанавливать, заключать в нее свои интересы. И эта борьба разворачивается во всех сферах общественной жизни – науке, политике, экономике, праве и т.д.

Интенсивность и публичность политического действия особенно возросли в ходе реализации идей Просвещения, вовлекая в него общество в целом. Исторически любое сложное взаимодействие, выводящее человека за пределы его жизненного опыта и обыденных целей, включающее его в надындивидуальный социальный мир, наиболее эффективно осуществлялось с помощью символических структур трансляции смыслов, несущих максимум смысла при минимуме выразительных средств, требующих работы понимания. Символ как «знак бесконечного в конечном» (А. Шлегель) объясняет политическую власть, которая, в свою очередь, пытается присвоить символ «навечно», продлить свою политическую конечность до бесконечности, отождествив актуальное имманентное политическое состояние со своей интерпретацией фиксированного содержания символа, который превращается, вследствие этой про-

цедуры, в тождественный актуальной политике знак. Поскольку реальные субъекты политической власти все-таки конечны, они подвержены движению истории, переинтерпретации другими субъектами. Дестабилизация сложившейся политической картины делает возможной борьбу альтернативных видений. Поиск различий становится более значимым, чем поиск универсальных тождеств, формализация уступает место интерпретации, позитивизм – герменевтике, идеология – утопии, власть – оппозиции. Идеологические знаки, потеряв абсолют своих значений и выйдя за пределы замкнутого политического контекста, становятся «ложным сознанием».

Исторически противостояние знакового и символического метаязыков политики в наиболее явной и принципиальной форме продолжается сквозь спор «акратического» и «энкратического» политологических метаязыков: герменевтики и позитивизма. Знаковый метаязык политической науки «энкратичен»¹, и противостоит ему «акратический», т.е. вневластный, язык, обособленный от доксы (парадоксальный) и критичный к доминирующему дискурсу властного метаязыка. Доминирующий дискурс политической науки всегда «энкратичен», т.е. связан с самореференцией власти: апология власти довлеет в нем над кодом автономной научной истины. Он не проблематизирует ни субъекта познания, ни метод описания, стремясь теоретически закрепить сложившийся политический порядок.

Энкратический метаязык «...выглядит как “природный” и потому трудноуловим; это язык массовой культуры (большой прессы, радио, телевидения), а в некотором смысле также и язык быта, расхожих мнений (*доксы*); сила энкратического языка обусловлена его противоречивостью – он весь одновременно и *подстудный* (его нелегко распознать), и *торжествующий* (от него некуда деться); можно сказать, что он *липкий* и всепроникающий»². Иными словами, вдруг оказалось, что ясность структуры знака вы-

---

¹ «Энкратический» и «акратический» языки (или виды дискурса) – термины, введенные Роланом Бартом. См.: *Барт Р. Война языков // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 535-544.*

² Там же. С. 537.

рабатывается искусственно, подозрение к подобному языку оказалось не напрасным: ясный язык, язык доксы – это всегда язык власти, где ясность является функцией его убедительности, а естественность – эффективным способом трансляции нормы-власти.

Энক্রатический метаязык нормативизирует политические решения и действия с точки зрения их эффективности. Подобный дискурс характерен для самолегитимации элиты, которой кроме идеи эффективности больше нечего предложить для сохранения и оправдания существующего в политике статус-кво, которое ее вполне устраивает и которое она стремится удержать. Ключевым концептом парадоксального метаязыка, принадлежащего «демосу», является решение вопроса о политической справедливости. Справедливость, которая является легитимирующим условием политического действия, направленного на освобождение, практику борьбы за установление нового формата справедливости классовых отношений, отношений элиты, народа и государства. Иными словами, политическая этика элиты ориентирована на идею эффективности, этика массы – на идею справедливости.

Фактически энкратический метаязык всегда представляет собой попытку власти в области представления умозрительно реконструировать Вавилонскую башню. Миф о Вавилонской башне, в интерпретации Ж. Дерриды, заключается в том, что ее постройка является поиском божественного языка, в котором сливаются язык и мир, власть и общество, элита и масса и т.д. в рамках всеобщей объективной истины, имеющей трансцендентный, божественный характер. Это своего рода рукотворный земной рай, где сняты все различия (идеологические, экономические, национальные). Соответственно, ее разрушение оборачивается расхождением мира и языка, классовыми антагонизмами, ростом непреодолимых границ и различий, распадением человечества, связанными с грехом гордыни, попыткой создать универсальный, т.е. божественный, язык.

Первоначально секулярный знаковый метаязык «классической эпистемы» Просвещения акратичен, когда борется за истину с доминирующим морально-религиозным метаязыком политики. Лишь когда идеология становится доминирующей политической формой объяснения, в которой формулируются политические тео-

рии, тавтологический язык становится метаязыком власти. Но тут же получает новую оппозицию в виде критического метаязыка внутри идеологического состояния политики. Онтологически господствующий дискурс в политологии априори является самореферентией власти, в то время как модель парадоксально-акратического метаязыка политической науки принадлежит структурной оппозиции.

Рассмотрим подробнее модели метаязыков политической науки, вытекающие из антагонизма знака и символа.

Формализующий подход: познавательная структура знаковой модели метаязыка

Эта модель метаязыка генетически связана с объективным Римским правом и европейской научной традицией, устанавливающей истину посредством «логической дедукции понятий». При этом не требовалось «...обращаться к представлениям и суждениям сторон о любых существующих ценностях, поскольку речь шла только о чистой юриспруденции понятий, которая не принимала во внимание интересы сторон»¹. Позднее это требование было перенесено в новоевропейскую науку, где Бог (трансцендентное начало) был подчинен и отождествлен с истиной, производимой рассудком как типом рациональности, основанным на логической и эмпирической верификации. Здесь коду истины, детерминированному разумом, подчиняется все внеположное разуму: чувственность, интуиция, вера, мораль, нравственность, эмоции и т.д.

Такое определение истины специфично именно для Запада: «Абендланд [Запад] – это та территория, где понятие истины, которое в остальном мире применяется только в области математики, логики и естественных наук, принимается и в области отношений между людьми, где, следовательно, есть четкое разделение понятий “право” и “нравственность” (справедливость)». Право [истину]

---

¹ *Халем Ф.* Историко-правовые аспекты проблемы Восток-Запад // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 28.

можно доказать, как доказывается математическое правило, например ссылкой на закон или решение верховного суда, а справедливость (нравственность) чувствуется, ее доказать невозможно»¹.

В дальнейшем формализованный метаязык обязан своим совершенствованием Просвещению. Он достиг апогея в ходе прорыва в естественнонаучном познании, в науках о природе XVIII–XIX вв. Единая религиозная картина христианства обеспечивала из области трансцендентного ценностное и методологическое единообразие данного метаязыка или, по меньшей мере, его непротиворечивость собственным онтологическим основаниям, через способ постановки вопросов, общую проблематику и методологию исследований. В связи с рядом исторических процессов: «национализацией» культурных миров, «капитализацией» общества, секуляризацией, в ходе которой на смену символической, трансцендирующей мистике приходит рационалистичная наука и т.д., – это методологическое единство познавательной структуры было утрачено.

1. Секуляризация обусловила девальвацию символического капитала церкви, не говоря уже о ее монополии в области трансцендентного, и одновременную концентрацию этого капитала, являющегося ключевым ресурсом власти в руках государственных институтов, в том числе и институтов по производству знания.

2. Формирование национальных государств, давшее толчок развитию национальной культуры, самосознания, ценностей из недр общехристианского происхождения, привело к разрыву и трансформации стилей мышления о проблемах, связанных со светскими, государственными интересами. Просвещение в превращенной рационализированной форме присвоило и переработало в ходе общественных трансформаций почти всю религиозную проблематику.

3. Изменение самой церковной организации и принципов веры. Рациональный дух капитализма, основанного на прибыли и эффективности, привел к переносу оснований веры из области трансцендентного, с которой имела дело католическая мистика, в область имманентного. Подтверждение благосклонности бога через

---

¹ Там же. С. 30.

внешние вещи придало спасению характер прижизненной гарантии, возможной только когда мы имеем дело с гарантированными и неизменными знаками свыше в противовес нуждающимся в интерпретации и двусмысленным по своей природе символам¹.

Далее вплоть до XX в., осмысляемого в социально-политических науках через метафору перманентного кризиса, единство научной методологии как таковой могло быть достигнуто только в области имманентного. А именно путем переноса методологии наук о природе в область наук о человеке, посредством таких исследовательских практик и методов как механицизм, органицизм, бихевиоризм, теория рационального выбора, структурно-функциональный подход и обобщающая их позитивистская модель метаязыка, основанная на идее неизменной, мертвой природы, описываемой с помощью столь же ясных знаков, аксиом и дедуктивных методов, которые позволяют сохранять систему точного знания.

Позитивистский (сциентистский) метод выступает в виде формализаций, предназначенных для установления тождественного, а следовательно, истинного отношения значения и референта. При этом обычно используется дуальная связка: означаемое-означающее, система-мир, теория-практика, сознание-бытие и т.д. Первый элемент претендует на тождество со вторым, причем доказательство тождества рассматривается как не подлежащая оспариванию единственно возможная истина. Критерий истины может связываться с природой (натурализм), самим человеком, культурой, религией, трансцендентным в противовес имманентному. В любом случае он является чем-то «иным» по отношению к «системе», которую он призван легитимировать и благословить на производство истины.

Семиотическая структура знака состоит из двух частей: референта и значения. Это не единственно возможная интерпретация. Например, Г. Фреге предлагает трехсоставный знак (треугольник): референт-имя-значение. Имя стоит в треугольнике по ту сторону и значения, и реальности. Референт имени не всегда существует в

---

¹ См. подр.: *Хайлер Ф.* Религиозно-историческое значение Лютера // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 315-346.

реальности (кентавр, орк, эльф). Имена – это общие значения, универсалии, интегрирующие области частных значений и феноменов. Причем частные различия игнорируются именами в пользу тождеств, которые они собой представляют. Фактически имя представляет собой вторжение принципа мифа, символа.

В области теории языка позитивистский метаязык представлен семиологией – наукой о принципах производства значений. Предельные основания семиологического подхода представлены традиционной метафизикой, которая в целом выстраивается на бинарной оппозиции чувственного (эмпирического) и сверхчувственного (умопостигаемого), где второй элемент обычно довлеет над первым. Причем семиология, будучи метафизически структурированной, любым способом уклоняется от метафизических содержания, дабы не выйти за пределы классической «научности». Внутренняя логика семиологии отрицает свою метафизичность, полагая себя только в границах реального, природного, чувственного и рефлексирующего над ней с помощью формальной логики рассудка. Трансцендентное политическое измерение, мешающее полному и окончательному доказательству истины, игнорируется. Семиология структурно представляет собой метапарадигму науки Нового времени, которая в обмен на отказ от метафизичности хотела бы получить контроль над имманентным, как условие присвоения истины-нормы-власти.

Опишем далее ключевые признаки познавательных структур позитивизма:

а) формализация, связанная с попыткой создания универсальной, всеобщей и внеисторичной модели научного метаязыка;

б) элиминация двойственности языка, который может быть и объектом (источником), и орудием познания. Язык функционализируется и сводится к орудию;

в) задается алфавит знаков формализованного политологического метаязыка, аксиомы и правила вывода. Получение истины становится прикладным технологическим процессом. Следуя определенным техническим правилам, ее получение **неизбежно**;

г) жесткий и последовательно проводимый принцип системности. Постоянное воспроизведение и поддержание последнего ве-

дет к проблемам с адаптацией метаязыка к изменению внешних условий по отношению к универсальным теоретическим системам, что обуславливает их неизбежную фальсификацию.

В знаковой структуре познания, лежащей в основании подобных систем, означающее и означаемое находятся в неравной одно-сторонней связи: реальность является вторичной по отношению к идее реальности. Иными словами, референт (реальность) изначально неспособен привести ничего нового в систему, а тем более изменить ее – налицо отношение отражения. Такой односторонний способ коммуникации характерен именно для возникновения и укрепления асимметричного властного отношения, не приемлющего обратного влияния. Интенция власти направлена именно на утверждение всеобщего, на доказательство своей способности руководствоваться абсолютной истиной. Но последняя может быть основана в политике лишь на сведении трансцендентного к имманентному, их тождестве. Более того: «... всякая универсальная пропозиция утверждает несуществование вещей некоторого класса»¹. Однако это вовсе не означает, что эти вещи перестают существовать «на самом деле». Просто их перестают замечать, игнорируют, если они нарушают принцип тождества политического знания-власти.

В политической области вторжение власти в автономный код знания происходит через морализацию политики, путем постановки ее цели как достижения всеобщего блага. Последнее может опираться лишь на истину, принимающую характер абсолютного значения для всех. Поэтому достижение конечной истины здесь заранее объявляется невозможным, поскольку любой индивид или группа изначально ангажированы своими субъективными интересами. И здесь происходит логичная замена недостижимой объективной истины для всех технологическим критерием – консенсусом, акцентирующим внимание на эффективности взаимодействия. То есть обычно метаязык власти в политической науке производит политическую теорию, заменяющую содержательность общественного соглашения формализованными процедурами.

---

¹ *Антисери Д.* Эпистемология и герменевтика // Вестник Моск. ун-та. Сер. № 7. Философия. 2001. № 3. С. 5.

Математический просчет как вероятностный анализ издержек и выгод различных вариантов решений ставит их в зависимость от самого баланса исчислимых прибылей и потерь как *ultima ratio* любого политического спора, т.е. от задействуемых средств, но вовсе не от поставленных целей.

При этом отправной точкой служит естественный опыт политики обычных людей, в свою очередь ставший предметом речи политологического метаязыка. Доксический опыт человека предстает как нулевая степень, то, что обобщается и интерпретируется с внеположных ему позиций.

Исследователь отстраняется в своей вторичной рационализации от набора фактов, осмысляя их только как объект, как текст, который можно прочесть лишь владея классифицирующим метаязыком политической науки. Базируясь на основании доксического опыта политики, метаязык способен его обобщать в целостную картину, недостижимую в рамках самого политического опыта. Знаковый метаязык помещает содержание опыта в контекст теоретических схем, которые абстрагируются от особенного (личностного) в доксическом опыте политики в пользу рациональности «внешнего» к нему метаязыка.

В соответствии с перечисленными принципами и аксиомами познания знаковая модель метаязыка политической науки связана с методами классификации, формализации, дедукции и редукции, организующими закрытый дискурс политических значений. Принципы верификации политической истины прямо заимствуются из классики фундаментальных естественных наук. Стратегия познания связана с принципом знака, аналитическими формами производства политической истины.

Здесь политология, особенно явно это демонстрирует англосаксонская модель¹, рассматривается как позитивистская наука, имеющая дело не с ценностями и тем более не с конфликтами ценностей, так как мораль изначально выносится за скобки в угоду объективности, но с описанием объективированных естественно-политических про-

---

¹ См. подр.: *Казанцев А.А.* Политическая наука: проблема методологической рефлексии: (Обзор круглого стола) // ПОЛИС. 2001. № 6. С. 53-54.

цессов, не связанных с сознанием их участников и наблюдателей. Более того, приветствуется инструментальная отстраненность исследователя от изучаемого объекта как залог его объективности. Такая установка на привилегию инструментальной рациональности ведет к господству в политологии бессубъектного метаязыка, связанного с такими теориями как бихевиоризм, теория рационального выбора, теория игр и т.п., обращенными к рационализированному индивиду (номинализм) как основополагающему атому политической системы. Методы познания истины ориентируются здесь на объяснение, исключающее возможность любой «иной» истины.

Теоретико-эвристическая нетерпимость подобных доказательств истины связана с самоочевидными аксиомами логических выводов и связей, верифицирующих истину, опираясь на непрерываемые объективные факты и рациональные конструкции. В прикладной политической науке эта модель метаязыка ориентируется на количественные методы: легко формализуемые, эмпирически верифицируемые и максимально свободные от субъективных элементов сознания, необходимости интерпретировать языковые значения, опытные данные и т.д.

В методологическом плане политическая наука сегодня ощущает конец доминирования особого типа рациональности и способа ее легитимации, появившегося в ходе Просвещения и пережившего свой расцвет в виде формализованного метаязыка, опиравшегося на структуру знака как одновременно форму и принцип своего функционирования. Структура последнего, определявшая до недавнего времени структуру «научного» познания политики вообще, в выборе исследовательских методов сама по себе не ставилась в политических науках под вопрос, тем не менее оказывая латентное влияние на получаемые политические истины.

Интерпретирующий подход: познавательная структура символического метаязыка

Генезис символического метаязыка связан с практикой экзегезы – толкования и интерпретации религиозных текстов. Практика, вырастающая из комментария, уточнения и разъяснений Свя-

щенного писания, распространяется в дальнейшем на любые тексты. Внимание сосредотачивается не на буквальности текста, но на попытках выявить его интенцию, осмыслить не то, о чем говорится в тексте, но то, о чем хотел бы сказать его автор. Такой подход признает множественность смысла. Однако с другой стороны, существует установка на возможность окончательного, правильного, истинного толкования. История человеческой мысли предстает в виде производства и последующего развенчания систем знания, претендующих на постановку точки в поиске истины. Если рассматривать политическую науку как форму нарративного знания, которая получает свою специфику и авторитет путем легитимации через «метарассказы», то сейчас мы можем наблюдать как раз кризис легитимации метарассказа, оформленного с помощью средств знаковой модели метаязыка. В ходе этого кризиса наука возвращается к своим основам, а именно к форме рассказа, истина которого задается им самим и ничем извне¹.

Основная проблема состоит в том, что позитивизм задает политике субъект-объектную, естественнонаучную модель познания. Однако сознание субъектов, с которым всегда сталкиваются социально-политические науки в описании социально-политической реальности, не может быть из нее устранено. Более того, сознание всегда избыточно в отношении описываемой реальности. Поэтому в дискурсе политической науки речь должна идти о субъект-субъектном отношении познания, столкновении моделей, интерпретаций реальности, конфликте политических теорий как систем убеждений. Природа политического знания описывается, таким образом, как гипотетическая, идеологическая, риторическая, но никак не аналитико-дедуктивная, сводимая к объективной политической реальности как *ultima ratio* любого спора. Становится востребованной и релевантной позиция, согласно которой «... подлинно научная методология, обосновывая свои претензии на объективное знание, должна рефлексировать о своих метанаучных основаниях, условиях истины,

---

¹ См. подр.: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии, 1998.

которые не содержатся в логике научного исследования и не могут быть обоснованы по правилам той же теории, в рамках которой оно проводится»¹.

В целом, политическая герменевтика описывает общество как закрытую систему, культурный код которой заключен в ней самой. Ресурсы этой системы ограничены. Они циклически воспроизводятся в форме «культурного экологизма» из нее самой, не обмениваются и не приобретаются. Формализованный подход, наоборот, рассматривает общество в политическом коде либерализма как бесконечное в линейном времени и безграничное в культурно-нейтральном пространстве. Эта бесконечность позволяет игнорировать актуальные различия и противоречия в пользу достижения будущего тождества, всеобщего блага. Реальное и должное сливаются при приоритете последнего. То есть истина уже познана, уже открыта, абсолютные ценности известны. Поэтому политическая теория ограничивается «средним уровнем», основанным на применении этих ценностей. Наиболее полно эта установка познания отражена в знаковом метаязыке.

Свое абсолютное воплощение герменевтическая практика получает в форме интеллектуальной игры, трактуемой Ж. Деррида как «поле замещений и дополнений, образуемое путем подстановки бесконечного числа означающих в конечном числе означаемых»².

Аксиома о возможности всеобщей объективной реальности, даже конвенциональной, в этой модели политического метаязыка отрицается изначально. Работа ведется не с самой объективированной реальностью, а с ее толкованиями. Формализованные теории выступают как означаемые, которые анализируются в иных означающих, помещаются в иной контекст. Такова, например, схема

---

¹ *Соболева М.Е.* Возможна ли метафизика в эпоху постмодерна? К концепции трансцендентального прагматизма Карла Отто Апеля // *Вопросы философии.* 2002. № 7. С. 147.

² *Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // *Письмо и различие.* СПб., 2001.

Р. Барта, где первоначальные означающие используются в качестве означаемых вторичной семиологической системы¹.

Символический метаязык указывает на дискурсивность любой познавательной практики, высокую вероятность неадекватности методов и аксиом сферы одной познавательной практики в применении к предмету другой. Политическая герменевтика всегда имеет дело с трансцендентным. Ее интенция состоит в том, что на вещах запечатлены приметы и символы их глубинного трансцендентного смысла, что за видимым текстом существует изначальный Текст, и первый всегда отсылает ко второму через подобие, означение, откровение и т.д. Деконструкция и герменевтический метод нацелены на прорыв к таким основаниям мышления и представления, которые, обуславливая те или иные мыслительные практики, а в более широком контексте типы культур вообще, ускользают от внимания тех исследователей, чье сознание ими обусловлено. Нахождение подобных оснований не только расширяет наше осознание себя и мира через предельный контекст, но выступает и как способ противодействия логике замкнутых формализованных систем, неопровержимых и непротиворечивых изнутри, когда мы принимаем эту логику как естественную и единственную.

Актуализация герменевтически-символической модели метаязыка политической науки связана с очевидной невозможностью свести символ к аналитическому знаку, позволяющему создать взаимно однозначное соответствие (тождество) формализации и формализуемого. Подобная методология работала лишь в условиях единой картины мира. Постструктурализм ведет речь о неполноте метода, претендовавшего на адекватность отражения, которая была залогом его притязаний на присвоение истины-власти. Проблема в том, что не формализуем сам язык, поскольку его природа символична, а знаковость – идеологична. Поскольку сведение символа к знаку аналогично сведению трансцендентного к имманентному, мы имеем дело с определенной идеологией познания политики, направленной на присвоение истины, так как множественность смысла, присущая символу, устанавливает множественность истин.

---

¹ *Барт Р.* Из книги «Мифологии» // Избранные работы. С. 74-81.

Власть же может укорениться лишь в единственном значении, путем отмены циркуляции всех иных смыслов, подрывающих ее собственный дискурс извне.

Символическая модель метаязыка политической науки находится в структурной оппозиции и составляет нечто вроде «проклятой стороны вещей». Она восполняет конструктивно-методологические недостатки знакового энкратического метаязыка, будучи связана с принципами герменевтики и интерпретации. Эта модель ориентирована не на доказательство-объяснение, но на дискурсивное толкование-интерпретацию истины. Прояснению истины здесь мешает слабая способность интерпретирующих методов к систематизации и системному конструированию. Поэтому данная модель политологического метаязыка является не самостоятельным, но необходимо дополняющим критическим метаязыком относительно знаково-энкратической модели политической науки.

Здесь в основании истины находится само политическое бытие или язык, первоначало, которое не тождественно само себе. И самопротиворечивость бытия (языка) вполне естественна, редукция же к непротиворечивости и однозначности, наоборот, искусственна и подозрительна. То есть в политической науке приобретает релевантность «принцип неопределенности» В. Гейзенберга, когда наблюдатель самим процессом наблюдения изменяет объект. Поэтому сказать, каким был объект до наблюдения, – невозможно. Иными словами, истина всегда ангажирована: положением в социальном пространстве, из которого она наблюдается, средствами наблюдения, ценностными ракурсами наблюдателей и т.д. Стратегия познания связана здесь с принципом и средствами символа, а форма познания истины – с риторикой. Код истины черпается в трансцендентном пространстве: религиозном, нравственном, моральном, метафизическом. Таким образом, открывается пространство субъективных политических истин, каждая из которых может претендовать на признание и «научность».

Герменевтический метаязык открывает в политике ситуацию мышления, описываемую «принципом дополнительности» физика Н. Бора, где социально-политическая реальность приобретает многомерность и большую степень достоверности путем описания раз-

личными теоретическими метаязыками и последующей борьбой этих описаний за политическую истину. Популярный в квантовой физике принцип, по сути, формулирует ту же проблему, что и символический метаязык. То есть утрату универсального общепринятого метаязыка описания, покинувшего и в физике, и в политике пределы здравого смысла. И как следствие, открытие зависимости результатов исследования от способа их описания. В связи с этим предлагается описывать все факты, гипотезы, модели и процессы как минимум двумя способами, интерпретировать их на двух научных метаязыках, что приближает исследователя к более истинной и полной «стереоскопичной» картине, несмотря на то, что одновременно она становится и более противоречивой.

Неприятный методологический тупик, на который указывает герменевтическая модель политологии, заключается в том, что полная объективация и прозрачность механизма власти, структурирующей политику, на самом деле ее разрушает и девальвирует. Познание политических объектов как природных, внекультурных или, наоборот, универсально-культурных – «общечеловеческих», внеценностных, данных «в очевидности», ведет к изъянам редукционизма, где в угоду непротиворечивости и объективизму внешние свойства вещей выдаются за их сущность. В качестве подобных утверждений можно привести концепцию сознания как «черного ящика» (Скиннер), кибернетический подход к политической системе (Р. Даль), «конец истории» как теорию единого культурного пути человечества (Ф. Фукуяма), перенос в политику «рыночных» моделей поведения (неолиберализм) и т.п.

Распространение герменевтического метаязыка политической науки связано с кризисом единой естественнонаучной картины мира, экспериментально-рассудочных методов, формировавших модель «образцовой» научности и в гуманитарных сферах. «Развеществление» материи в физике, открытие собственного «бытия» языка в философии, иррационального «жизненного мира» человека в психологии – поставили эту картину под вопрос.

Здесь множественность сущностей, она же отсутствие конечной сущности вообще, задает напряженность научной полемики через «эпистемологический анархизм» (П. Фейерабенд), где цен-

ность имеют само вопрошание, сама гипотетичность научного познания, всегда готового встретить критику и новые истины. Последние в процессе научной агонистики только и приобретают свою истинную ценность. В такой ситуации невозможно занять универсальную объективную научную позицию в принципе, тем более основанную на обладании конечной истиной. В противном случае это означало бы конец науки. Максимум, на который мы можем претендовать в политических науках, – это «объективация объективирующего субъекта» (П. Бурдьё) или же, в терминологии Н. Лумана, «наблюдение за наблюдателем». Тот, кто рискует наблюдать, должен быть готов к тому, чтобы быть наблюдаемым. Таким образом, политическому знанию заведомо придается статус субъективного, дискурсивного и ангажированного. Проблема состоит в том, замечает/не замечает, причем сознательно/несознательно, эту дилемму теоретический субъект.

Любая научная теория построена на измерении и наблюдении, редукционизме мира к формализуемым и измеряемым процедурам. Проблема состоит в критериях и чувствительности исследователя к сокращению области «черного ящика», области неопределенности. Сильная редукция может как открыть универсальные типологические закономерности, так и ненароком проигнорировать область неопределенности, которая может оказаться более значимой и близкой к истине, чем удобно формализуемые частные случаи, отождествляемые с реальностью как таковой. Выбор в этой дилемме того или иного члена оппозиции, его привилегированная значимость обуславливают одну из моделей метаязыка. Знаковый метаязык ориентирован на метод формализации, логические и рациональные схемы редукционизма. Он производит акцент познания на общем, сходном, универсальном и тождественном. Символический метаязык ориентирован на методы интерпретации, акцент познания производится на особенном, ином, уникальном, Другом. В нем содержание и субъективная ценность различий существенней сходств. Нередко даже тогда, когда последние строятся не только на аналогии, но и строго доказуемы.

Эти два чистых типа познания можно определить как энкратический метаязык (принцип знака) и акратический метаязык (принцип

символа). Мегатенденцией «в целом» в современной политической теории является методологический дрейф от поиска тождеств к поиску различий, переходящему в своей радикальной фазе в идиосинкразию и апологию несовместимости культурных, идеологических кодов, в критику самой возможности единого, универсального мегакритерия значимости сходств и различий. Отсюда постмодернистская, теоретически обосновываемая невозможность самого обсуждения значимостей (ценностей), их встраивания и ранжирования в едином эпистемологическом поле, так как нет общего для всех поля, общих универсалий, значений, ценностей (постструктурализм). Здесь исследователь не столько артикулирует свою субъективную диспозицию в общем эпистемологическом поле, сколько стремится через любой «черный ход» к открытию своего автономного научного поля и соответствующей ему истины.

Современная методологическая парадигма политических наук все более мыслится из интерсубъективного первоначала языка, опосредующего познавательное отношение субъекта и объекта. Язык выступает в качестве проформы научного познания, которая его в значительной степени предопределяет. Аксиома состоит в том, что описание тождественно полагаию как субъекта, так и объекта. Гносеологический метаязык одновременно и перформативен – «нечто полагает», и денотативен, нарративен – «нечто описывает». Конечное легитимирующее основание политики, власти, общества заложено в той или иной модели метаязыка его описания. Поэтому герменевтический подход позволяет в какой-то степени обойти проблему онтологического «отсутствия основания у перво-двигателя».

То есть дуальность языка (знак, символ) определяет дуальность парадигмы (формализация, интерпретация). Выбор внутри парадигмы зависит от того, как преодолевается эта дуальность в ходе исследования, т.е. наделяет теория язык статусом материала (реальности) или нейтрального инструмента исследования (означающего). Структура знака или символа, лежащая в основании знаковой или символической модели метаязыка политической науки, априорно определяет методологию и ценности политологических теорий, реализуемых в рамках одной из этих моделей. Метаязык

политической науки выявляется через саморефлексию познающего субъекта, путем прерывания идеологической самореференции политической науки. Это прерывание осуществляется как обращение к такому аксиоматичному объекту политической науки, как ее собственный метаязык. Подобное прерывание актуализируется сегодня общим «лингвистическим поворотом» гуманитарного знания.

Язык впервые стал мыслиться не как часть мира, предмет среди других предметов, а как означающее, принципиально связанное с властью, в момент перехода, описанного М. Фуко в «Словах и вещах», от всеобщей грамматики, призванной дать «истину мира», к филологии и литературе, обращенным к самому языку¹. Именно здесь язык осознается уже не как естественное средство описания мира, никак не искажающее интенции разума, выраженные через него, но как орудие преобразования этого мира, связанное с принципом означивания. Общим условием возникновения подобной ситуации мышления служит изъятие человека из мира и противопоставление ему в качестве субъекта. Это универсальное противопоставление, породившее дискурс науки, сделало дуальность: душа/тело, имманентное/трансцендентное, сознание/бытие и т.д. – единственно возможной формой, в которой происходит научное познание. Язык стал важен именно как посредник-определитель сущности этого дуального отношения, связующего субъекта и объекта, как структура, посредством которой субъект реализует свою власть над объектом в пространстве представления. Язык становится проблематичным, когда он изымается из мира объектов и превращается в язык научного субъекта, присваивается им, чтобы контролировать характер своего отношения к бытию: формализация или герменевтика. Собственно, давний принцип «разделяй и властвуй» и был реализован Просвещением через язык. Но сначала язык должен был потерять онтологичность и приобрести «идеалтипичность» и аналитичность. Вместо символического и многослойного стать однозначным, перейти из сферы сакрального в сферу имманентного, где не само Слово, но тот, кто владеет словом, определяет реальность, а язык превращается в самоописательное, самодостаточное «письмо».

---

¹ Фуко М. Слова и вещи. С. 319-324.

Когда в «классической эпистеме» принцип классификации вытесняет логику подобия и сходств, язык теряет свою смысловую плотность. Он исчезает как объект, но появляется как невидимое орудие, с помощью которого разум определяет истину мира, упорядочивая и классифицируя последний с помощью знаковой модели метаязыка науки. Кризис Просвещения и Модерна привел к возрождению языка. Возрождению, связанному с тем, что язык перестает быть инструментальным средством классификации, но приобретает прежнюю плотность, насыщенность и субстанциональность. Язык заслоняет собой мир, вновь начинает детерминировать его научное восприятие в условиях кризиса рациональности как привилегированного принципа познания. Автономизация языка от рациональности привела к тому, что язык стал ключом к познанию мира, как способ не только его описания, но и творения. Соответственно, мир стал стремительно приобретать свойства текста, прочитав который помогает только знание сущности языка. Это связано с доминированием представления, что все мы находимся внутри языка как мира идей, языка как копирующего, так и полагающего свойства действительности. Опосредование бытия языком («язык – дом бытия»), опосредование языком любого коммуникативного акта, информации, мысли, сознания означает, что свойства языка вновь отождествляются со свойствами мира, который он призван выражать.

Вновь осознается взаимосвязь вроде бы прирученного разумом языка с чем-то потусторонним, отсылающим к «иному» как своему истоку. То есть язык вновь не принадлежит этому миру. Он становится тем, что этот мир творит. И теория виртуализации общества здесь вполне сходится с теорией магического творения. Если знаковая структура метаязыка оперирует представлениями, в которых слова отождествляются с вещами и имеют смысл лишь постольку, поскольку что-то отражают, то язык, опирающийся на символы, фактически открывает обратный процесс, а именно – независимость слов от вещей, означающих от означаемых. Взаимность означающего и означаемого становится проблематичной, их тождество уступает место различию, усматривающему в их соотношении в знаке власть структуры, стоящей по ту сторону знака и

легитимирующей его в качестве такового. Коренной поворот в социально-политических науках связан с переходом в методологическом плане от структурализма к постструктурализму. Иными словами, от познавательной логики, заданной знаком, к логике символа.

Таким образом, язык вновь полагается на стыке имманентного и трансцендентного. Субъект присваивает язык, но оказывается, и язык проговаривает **что-то еще** через субъекта, дополнительно к тому, что высказывается. И эта двойственность, шаткость высказываний видима если еще не самим субъектом, то уже его рефлексирующим адресатом. Последний, вследствие этого, приобретает способность вступить в семантическую войну, оспорить политическую картину знания-власти как **одну из** интерпретаций, а следовательно, и выводы, политическую практику, вытекающую из данной интерпретации политики.

Дилемма знания-власти связана с тем, как разделить субъекта высказывания и язык в том, что высказано, как вновь убрать тело языка, заслонившее мир? В противном случае, не рефлексировав над истоком языка, мы подвергаемся опасности стать заложниками энкратического метаязыка, детерминирующего все возможные формы высказываний, определяющего то, что может быть высказано вообще. Эта дилемма историко-гносеологического характера, связанная с отношением исследователя к собственному языку, решима двумя способами, которые представляют собой антагонистические методологии научного исследования. Внутри политической науки они представляют собой антагонизм двух «идеальных типов» познания политики, первый из которых связан со структурой знака, методами формализации и позитивизмом, второй – со структурой символа, методами интерпретации и герменевтикой.

1. Тактика формализации (знаково-энкратический метаязык) основана на том, что в основание языка кладется атом-знак, который позволяет отождествить значения метаязыка описания и мир на основании универсальной модели языка, связанной со времен Просвещения с метаязыком науки. Любое другое знание, полученное через «патологические» модели метаязыка в отношении научно-нормативной, классифицируется как неистинное, ненаучное, приблизительное и неточное. Акцент познания производится

на выяснении неких чистых форм языка, т.е. очищенных от субъекта, сознания, привносимых исследователем содержаний и смыслов. Эти чистые формы языка должны быть универсальными и прозрачными, пропускающими универсальное сознание познающего субъекта к объективному миру политики. Здесь язык убирается как посредник, детерминирующий отношение субъекта и объекта, и остается только как самоочевидная структура описания с легко формализуемыми законами своего применения.

Упор в познании производится на истинности самих способов поиска истины, когда истина заключается не в объекте, но в универсальности средств и структур познания: правилах вывода, основания, заключения, классификации, аксиоматизации и т.п.

При этом происходит отождествление «всеобщих» свойств политического мышления со свойствами окружающего мира, данными в опыте, наблюдении, здравом смысле, «естественных» для некоего коллективного историко-социального субъекта познания. Самоочевидность мира возникает через эмпиризм, теоретизм, детерминизм, логический редукционизм. В качестве методологических примеров можно назвать метаязыки различных сфер знания: аналитической философии, логики, структурализма, позитивизма, семиотики. Позитивистская модель политологии всегда отдает приоритет логике сходств перед логикой отличий. При этом уровень научной редукции в поисках сходств и тождеств таков, что зачастую создается универсальная модель для описания «частного случая», когда сущностные различия игнорируются как несущественные, второстепенные, в сравнении с нормой.

Принцип знака: механистический детерминизм классической физики Ньютона, формальная логика Аристотеля, структура классической эпистемы Просвещения, дуализм субъекта и объекта, манихейство, всеобщность идеологии, овеществление, отождествление всеобщих свойств мышления со свойствами окружающего мира, данными в опыте, наблюдении, здравом смысле, дискурсе нормы/ненормы.

2. Герменевтический подход (символично-акратический метаязык) связан со значимостью и ценностью политической онтологии: важно **не как, а что** мы описываем, не «истинные» мето-

ды описания, а сам объект. Так как мир опосредован языком и дан через язык, не следует нейтрализовывать «тело языка». Его редукция и формализация могут привести к отбрасыванию самой истины в угоду частному и второстепенному, хотя и непротиворечивому (объективному). Раз мир дан через призму языка, то, соответственно, изучать его следует посредством языка, путем его интерпретации, раскрытия во всей его полноте и противоречивости, что, собственно, и является способом уяснения истины. Не нужно превращать язык из мира идей, особой действительности в операциональное средство, так как через его полноту, символическую насыщенность говорит само Бытие. Язык и есть само Бытие, а не инструмент «чистой мысли». Формализация и редукция языка искажает Бытие, языку же нужно просто следовать, прислушиваться к нему.

Свойства политического бытия возникают в процессе описания, а не предпосланы ему как универсальные и неизменные. Более того, описание само творит и открывает бытие политики. Здесь трудно разделить субъекта и объект, язык и бытие. Если описания и измерения политики противоречивы, это не означает их ложности, негодности инструментов измерения или сознания измерителей – таково Бытие, оно противоречиво и едино одновременно. Любая интерпретация или даже все интерпретации, как утверждают постмодернисты, могут оказаться истинными, например при восхождении на иной уровень описания.

Истина несводима к методу и не является априорным содержанием метода, с помощью которого рефлексиируют над фактами. Истина шире метода, она принадлежит жизненному миру, факту, действию, воле. Метод же всегда ретроспективен в том смысле, что апостериори относит истину к той или иной редуцированной схеме, классификации, перспективе. Поэтому метод не открывает истину, а вторично воспроизводит ее в процессе субъективного понимания. То есть метод – всего лишь склонность определенным образом, в соответствии с той или иной мыслительной традицией интерпретировать мир. И здесь научный метод ничуть не лучше в плане познания пред-рассудка, мифа или идеологии, его привилегированность является объектом веры адептов данного метода.

Принцип символа связан с пара-доксальностью политического бытия и способов его осмысления в буквальном смысле, как того, что противоречит доксе – очевидному и соразмерному здравому смыслу человека. В качестве методологически близких метаязыков описания можно назвать феноменологию, экзистенциализм, герменевтику, синергетику, постструктурализм, деконструкцию, мифологию и т.п.

Герменевтико-акратический метаязык политической науки возникает как критика идеологии, рефлексия над конфликтующими идеологическими ценностями. Основная претензия к доминирующему знаковому метаязыку власти заключается в том, что латентно этические по своей природе политические рассуждения о «всеобщем благе» происходят в декларативно свободном от морали интеллектуальном поле. Причем эта свобода представляется необходимым условием превращения политологии в позитивную науку. Проблема в том, что демонстративное отстранение знаково-энкратического метаязыка от морали и политически значимых интересов вовсе не гарантирует исследователю объективной точки зрения «над» схваткой и вне идеологий. Политическое знание по определению не может быть нейтральным и объективным, оно пронизано властными интересами.

Иными словами, абсолютная объективность рефлексии в политическом поле недостижима, граница между идеологом и политологом остается весьма прозрачной, поскольку отбор эмпирических фактов, исследовательских средств и теорий связан с априорным ценностным выбором метаязыка описания, что обуславливается социальным и идейным расположением исследователя внутри политического поля как пространства интересов, ценностей, точек зрения.

Политическое знание здесь амбивалентно, контекстуально и подозрительно к универсальным истинам. Если методы формализации стремятся получить конечную истину путем организации закрытого непротиворечивого дискурса значений, ограниченного имманентным политическим пространством, то интерпретация акцентирует внимание на исторической, контекстуальной, социальной подвижности связи означаемых и означающих. Концепция

подвижности, плавающей связи означающих/означаемых, будучи примененной к значениям формализованных концепций, заново открывает их контексты, в которых значения становятся смыслами, знаки – символами, а абсолютные политические истины – историческими.

Принцип символа: квантовая физика, паранепротиворечивая логика, отмена закона исключенного третьего, дискурс норма=ненорме, мифологичность, индетерминизм, «развеществление» (физического мира через кванты, социума через виртуализацию, субъекта через анонимность, дегуманизацию), парадоксальность политического бытия, иррациональность.

Дело заключается не столько в том, что выбор методологии и метаязыка описания определяет характеристики политической реальности и объектов исследования, сколько в том, что и отсутствие рефлексии при выборе «аналитических орудий», своего рода «невыбор», тоже детерминирует ценности и выводы исследования. Поэтому исследовательская задача состоит в выяснении и проведении границы там, где в стратегии политического познания исключения становятся более значимыми и самоценными, чем универсальные правила. Иными словами, какие историко-политические условия и расположение субъекта номинации в поле власти диктует появление и использование определенной модели метаязыка, на чем может строиться их разбивка и различие вообще?

Любой политический факт, феномен, событие в этом смысле двойственен и может быть рассмотрен с обеих позиций. Позитивная модель политологии связана с самореференцией власти и тавтологическим теоретическим метаязыком. Герменевтическая модель политологии, наоборот, определяется идеями социальной критики, критическим метаязыком, взрывающим сложившийся идеологический статус-кво. Господство той или иной модели тесно связано с исторической ситуацией, уровнем доверия к власти, эффективностью ее легитимации, стабильностью/нестабильностью политического режима, особенностями политического участия и т.д. В спокойные стабильные времена «малой политики» господствует «естественный» позитивный подход, во времена перемен и транс-

формаций – герменевтический, в рамках которого «научнообразная» идеология сменяется утопическими политическими проектами.

Несмотря на методологический антагонизм, принадлежащий «внутреннему плану» политической науки, энкратический/акратический метаязыки образуют метапарадигмальное методологическое единство, связанное с принципом дополнительности, восполнением аксиоматических недостатков друг друга в описании политики. Этим же объясняются как причины «методологической жесткости» структуры доминирующего метаязыка политической науки, так и, соответственно, антисциентистские методологические особенности оппозиционного метаязыка, связанные с восполнением «белых пятен» и конструктивных ущербов доминирующей модели метаязыка политической науки.

При этом полному властному контролю поддается лишь модель метаязыка, организованная в логике знака, функциональная и однозначная. Именно данная модель политического метаязыка доминировала в «век идеологий». Однако метаязык, организованный согласно познавательной структуре знака, всегда ограничен в том смысле, что полностью соответствует только внутренней реальности политической системы, латентно он всегда символичен. Обнаружение этой символичности, собственно, и являет в ретроспективе конец претензий властной структуры идеологии на естественность и универсальность, т.е. на обладание конечной политической истиной.

Данное знаково-символическое методологическое разделение является не классификационным перечислением, но глобальным разрывом, предшествующим рефлексии теоретического субъекта о политике. Эти аксиомы определяют, осознанно или бессознательно, метод, средства и сам образ политической науки, возникающий в политологических парадигмах.

Главная проблема связана с аксиоматическим ценностным конфликтом, столкновением антагонистических друг другу, социально ангажированных научных парадигм. Эта политическая борьба за объективность, борьба за привилегию «нормативировать» политическую истину внутри политической науки вторично рационализируется. То есть расхождения истин и образов политики объяс-

няются постулированием того или иного метода, но не ценностей и интересов, легитимирующих фундаментальные «первоначала» и «способы мышления» о политике, которые, собственно, и придают политическому исследованию статус «научности». Причем выбор метода теоретиком психологизируется, объясняется особенностями его индивидуального восприятия, воспитания, развития и т.п., что характерно для вывода социальности из индивидуальности или, в еще более грубом «объясняющем варианте», из биологического начала (фрейдистские версии психоанализа).

Проблема, окруженная в доминирующей позитивистской модели метаязыка политической науки своеобразным обетом молчания, состоит в том, что: а) в современных политологических исследованиях априорно отождествляют политику с ее идеологическим состоянием, причем таким образом, как будто это тождество универсально и носит внеисторичный характер; б) научным объявляется только тип рациональности, исторически связанный с проектом Просвещения. Однако существует и другая постановка проблемы, как раз и являющаяся «объектом умолчания».

Речь идет о противостоянии знакового метаязыка «панлогистов», констатирующих всемирно-исторический, универсально-общечеловеческий характер политических законов и вектор необратимого прогрессивного развития, и критического метаязыка «органицистов», утверждающих, что культурный потенциал той или иной нации способен эффективно функционировать только при ориентации политической системы на ценности, адекватные и соразмерные ее культурной матрице. Сегодня актуальный пример подобного спора представляет глобализация политики, приветствуемая «панлогистами», и опровергающая ее этническая, языковая, религиозная фрагментация мира на основании границ, полагаемых этими культурными различиями, о чем пишут «органицисты».

Обобщить методологические противоречия знаковой и символической моделей познания можно в следующей таблице 2.

Таблица 2

Методология познания	
Символ	Знак
Естественное право	Позитивное право
Герменевтика, постструктурализм, феноменология, критическая теория	Позитивизм, структурализм, аналитический метод
Интерпретация	Формализация (редукционизм)
Принцип фальсификации	Принцип верификации
Идеографическое (описательное) знание	Номотетическое знание (построение универсальных иерархических схем)
Прескриптивная (ценностная, нормативная) языковая игра	Денотативная языковая игра
Качественные методы	Количественные методы
Важнее ценность различий	Поиск истины как сходства и тождеств
Индукция	Дедукция
Риторика (паралогика, софистика)	Логика
Миф	Логос
Относительность, уникальность, особенность любого знания	Абсолютность, универсальность, всеобщность принципов научного знания
Асимметрия (неэквивалентность) означаемого-означающего	Эквивалентность означаемого-означающего
Иррациональность (воля, вера, интуиция, предназначение)	Рациональность (здоровый смысл, самоочевидность)
«Жизненный мир»	«Система»

§ 3. Антропологическое априори модернистской политической науки

Исторически современность политической науки фактически тождественна ее «антропоцентричности». Нормативировал подобную ситуацию либерализм, поставивший человека в центр политики в качестве ее сущности, альфы и омеги модернистского, буржуазного дискурса властных легитимаций с помощью отождествления политического и гражданского.

Антропологичность политической мысли Нового времени связана со стремлением мыслить политическое через человека как объекта, в котором пересекаются трансцендентное и имманентное, сводя человека к онтологии, языку, разуму, опыту, труду и т.д., но забывая при этом, что мыслит все тот же человек. Отсюда его постоянно присутствующая в познании, но не-мыслимая двойствен-

ность: а) одного из объектов науки и, в то же время, б) конечной сущности, универсального критерия меры. Политическая антропология, очеловечивающая все политическое, начала выступать чем-то вроде политической метанауки, в которой черпают свои основания прочие политические науки. Подобная ситуация характерна именно для идеологического состояния политики. Поэтому без описания человека как исторического «априори» Нового времени невозможно уяснить в полной мере посылки и трансформацию метаязыка политической науки, ориентированной на это «априори». Исторически сущность человека выводилась из трансценденции природы – доиндустриальное состояние (миф, религия), техники – индустриальное состояние, «Другого» – информационное состояние.

Антропоцентричность «современной» политики определяет и ее ключевую проблематику в области теории познания и, соответственно, ценностную аксиоматику метаязыка политической науки. Человек попадает в центр политики в условиях захвата политикой всего общества, ее демократизации, опубличивания и идеологизации. Сущность человека становится конечным, универсальным критерием, определяющим «цену» политических идей, идеалов, идеологий. Отсюда его привилегированность как ключевого научного объекта в привычном для современности виде, «психологизирующего» и «индивидуализирующего» публичную политику для масс. Однако подобное упрощение объяснительных моделей политики для непосвященных, посредством ее соразмерности индивиду и «обытовления», коварно в своей простоте, поскольку вовсе не дает ключа к ее пониманию, но лишь облегчает восприятие электоратом идеологических посылов в доступной для него форме. Впервые политический дискурс столь откровенно расслаивается на массовый и закрытый (элитарный).

Центральным дискурсом политики становится борьба идеологий за нормативную интерпретацию сущности человека как «*summum bonum*», именем которого легитимируется любое политическое действие. Иными словами, человек стал онтологическим основанием, предельной реальностью, «трансцендентальным означаемым», которым обладает политика Нового времени. Поэтому знание о человеке уже не может быть «просто научным» знанием,

оно становится политическим (идеологическим). Растет как роль науки, в качестве авторитетного автономного института объективного знания, так и желание власти детерминировать научно-политические истины. Вытекающая отсюда идеологичность научного знания о политике, его ангажированность, впервые придает политике тотальность, мыслимую в политической теории как целостность человека.

Однако в то же время человек оказывается новым догматическим кругом политической эпистемологии, через который объясняются все политические действия, сущности и феномены. Но сам человек оказывается странно непроницаемым, выступая в двусмысленной роли, с одной стороны, рядового объекта политической науки и в то же время с другой – ее априорного основания, над которым она не властна. Познание вновь замыкается в круге объяснения «подобного через подобное», а человек как структурный центр политики так и остается за пределами этой структуры, сколь бы гуманистической и антропоморфной она ни была.

В традиционном обществе сущность человека всегда божественна, даже если происхождение человека ведется от обожествленных звериных предков. Это утверждение равно справедливо для анимизма, фетишизма, язычества или христианства. Отсчет истории цикличен и конечен, ведется «от» или «к» «золотому веку», будучи сопряжен с прамоделью естественных природных циклов. Мифо-религиозная легитимация социальной власти представляет ее как сверхъестественный и внеположный реальному политическому устройству принцип. Власть транслируется из неуязвимо сакрального измерения, задающего принципы низшего земного порядка, без каких-либо возможных обратных связей. Однако трансцендентная сущность человека здесь настолько самоочевидна, что эффективность различного рода нарративов (мифов) или авторитета всеобщей религиозной морали оказывается более чем достаточной для оправдания власти. Дух, душа есть сущность человека, «как естественный религиозный орган», тот центр, который задавал принципы организации властного политического пространства. Истина языка власти здесь не нуждается в разделении слитно-

сти тела и души, для властного контроля реальности через сознание или наоборот.

Человек в традиционном обществе представлял собой именно **часть** коллективного тела народа. Поэтому всеобщая этика, основанная на морали, религиозных ценностях, имела приоритет над вытекающим из них правом как чем-то вторичным, производным, а следовательно, и над правами человека. В гражданском обществе, наоборот, формальная политическая власть подчинена кодифицирующему и устанавливающему ее праву. Соответственно, в традиционном обществе индивид никогда не осмыслялся в качестве исходного атома, из которых собираются такие «искусственные» политические конструкции, как рынок, гражданское общество, классы. Отсюда – очевидная власть авторитета коллективного политического тела над его частями-атомами, выраженный политический холизм, реализуемый, например, как в идее православной соборности, так и в социалистической идее народности государства. Государство не противопоставлялось, но, наоборот, отождествлялось с обществом (народом), описываясь не как механическая сумма индивидов, но именно как неделимая духовная целостность. Поэтому индивид и не нуждался в своей защите «добрым гражданским обществом» от «злого государства», поскольку они для него суть одно и то же.

Здесь само политическое размышление, исходящее из аксиоматики прав и интересов рационального индивида, рассматривается как неспособное различить неоднозначность и множественность уровней социально-политического мира, как точка зрения, позволяющая наблюдать лишь дискретные фрагменты «атомной решетки общества», «индивидуальную политическую реальность». С точки зрения традиционного общества гражданское общество характеризуется как «падшее состояние», где индивиды отпали от скрепляющих их на земле органических социальных форм существования, через которые только и была возможна трансляция божественной благодати и в которых было слышно слово Бога. Поэтому позитивистская индивидуалистическая картина политики критикуется здесь как слишком частная, механистическая и неполная.

В силу этого легитимность политической власти, исходя из описанных выше особенностей традиционной политической культуры, неспособна утвердиться, исходя из главенства индивидов как «неслиянной» механической суммы, не образующей надындивидуальной социальной общности, а следовательно, и легитимности, даже если она составляет большинство. Поэтому собрать распавшееся органическое общество нельзя даже путем «общественного договора», так как он в нем нелегитимен. Приоритетными, наоборот, являются не единичные, а коллективные и всеобщие социальные формы: общество, народ, государство, класс, которые опираются опять-таки на авторитет всеобщей морали, что дает им легитимное «право номинации».

Для традиционной политической культуры характерен вывод социально-политического порядка власти из сакрального, божественного порядка, а не из природного и биологического. Отсюда сопротивление переносу естественных законов природы на человека, на само общество, где они, в свою очередь, становятся неестественными. Разница биологического мира природы и культурного мира общества в доидеологической мыслительной традиции всегда осознавалась четко.

Поэтому, например, в традиционном по сути своей российском обществе начала XX в., марксизм и был воспринят прежде всего как метод, а не как идеологическая доктрина – руководство к действию. Наибольшее значение имели моральные, ценностные выводы Маркса о капитализме, стоимости, эксплуатации и отчуждении. Сама же экономическая логика «Капитала», ее универсализм, апология прогрессизма капиталистической экономической модели были отторгнуты, что показал весь ход революции 1917 г., осуществленной не благодаря, а вопреки идеологическим установкам и выводам Маркса.

Проблема взаимосвязи имплицитных теорий *homo politicus* и форм идеологического оправдания власти в политической науке практически не рассматривалась. В дискурсе политических наук речь о человеке идет, как правило, лишь в рамках частных областей и когерентных им политических дискурсов и практик (политическая психология, элитология, проблематика, связанная с политиче-

ским лидерством, формами политического участия, мониторингом электората и т.д.) так, как будто вопрос о природе человека в целом либо уже решен и предельно ясен для всех заинтересованных сторон (рационализм), либо сама эта природа представляет нечто вроде «черного ящика», в который невозможно заглянуть (бихевиоризм). Таким образом, вопрос детерминированности дискурса легитимации власти нормативной сущностью человека по сути своей затушевывался в связи с невозможностью познания последней. В первом приближении этот эффект выглядит странно, поскольку возникновение политической науки в современном виде связано именно с доминированием либерального дискурса Нового времени, оформленным в борьбе «великих идеологий» за сущность человека. Причем невиданно возросшая значимость последнего позволила даже поместить человека в центр западного политического универсума.

Однако, на наш взгляд, очерченная проблема продолжает имплицитно присутствовать и предопределять на онтологическом уровне выводы политических исследований. Причем проблема легитимности власти обычно связана в политологии с прагматической сферой технологии власти. Поэтому критерии легитимности интерпретируются как технологические количественные индикаторы, например, такие как эффективность властвования; насилие; мнение большинства; особенности отношений субъекта и объекта власти; организация, структура и процедуры власти.

Важный дополнительный аспект рассматриваемой проблемы состоит в том, что само знание о человеке часто и некритично инкорпорируется в политологию из «иных» научных дисциплин – психологии, биологии, социологии, неся за собой шлейф внеположных политике идей и проблем, размещение и переинтерпретация которых в рамках политического поля не всегда являлась адекватной их первоначальной сути, т.е. из цели превращалась в средство для вторичных политических целей. Причем именно ключевой вопрос о природе человека, к которому сводится все гуманитарное знание, в политологии отсылает исследователя к другим областям знания.

Дело в том, что политическая наука, в своем господствующем дискурсе, зачастую сливается с тем, что она изучает, т.е. с вла-

стью, легитимируя ее посредством системы политического знания. Здесь познание подчиняется идеологии, политической практике власти.

Непротиворечивая самореференция знаковой модели мета-языка политической науки прерывается в тот момент, когда она задается вопросом о природе человека. Здесь обнаруживаются онтологические корни, легитимирующие политическое знание, но выносимые за его пределы. Сама постановка подобного вопроса как ключевого в политическом дискурсе стала возможной в ходе Возрождения и тесно связана с фигурой Макиавелли, который порвал с зависимостью политики от нормативного теологического учения. Однако позднее, от Просвещения и до современности, доминировала трактовка природы человека, сводящая его к Разуму, который в своей трансцендентности потеснил Бога. Разрушение морального авторитета церкви, конфликтующего с универсальной политической логикой Капитала, привело к секуляризации и автономизации порядка земного от порядка божественного, что обусловило превращение моральной философии в политическую науку. В последнее же время природа человека центрируется все более на основании Языка.

Самой сутью изысканий гуманитарных наук является неизменный со времен Сократа девиз «Познай самого себя», переформулированный Кантом в ключевой вопрос философии: «Что такое человек?» То, как мы отвечаем, т.е. способ ответа на этот вопрос, задает нам дискурс интерпретации, классификационное основание для оценки человеческого как такового. Узнав истину о человеке, становится возможным определить, что для него благо, которое в свою очередь легитимировало бы политические истины и деятельность, направленные на его достижение. Однако этот вопрос нельзя путать с готовыми идеологическими **моделями** человека, которые заранее определяют аксиомы и выводы энкратической политической теории. Для нас важнее всего то, что сущность человека является детерминирующим основанием методологии, с помощью которой осуществляется легитимация политической власти. То есть сущность человека является трансцендентальным основанием как властных легитимаций, так и легитимаций политической истины.

В таких условиях актуализация вопрошания о гуманизме, на наш взгляд, стала возможной лишь в ситуации обнаружения «ино-го» в человеке, нежели то, что клалось в его основание специфическим типом европейской рациональности Нового времени. Социальная критика позитивизма, ослабление его доминирующих позиций в науке на протяжении всего XX в. осмыслились в рамках этого подхода как кризис науки вообще. На самом деле речь идет лишь об изменении границ научности, определявшихся до тех пор либеральной моделью человека как абстрактного индивида, которого необходимо подчинить универсальному Разуму и всеобщим политическим идеям.

Нарастающая неудовлетворенность такой трактовкой человека, ее неэффективность привели к тому, что легитимность власти, опирающейся на данную модель метаязыка, стала шаткой вместе с этой моделью. Свержение разума с пьедестала потребовало поиска других эффективных качеств человека, на которые мог бы опереться господствующий политический дискурс. Неэффективность легитимаций властного дискурса знаковым метаязыком, опиравшимся на классическую либеральную идеологию абстрактного рационального индивидуума, привела к вытеснению методологического индивидуализма холизмом. С одной стороны – консерватизмом, заменяющим индивида родом, а рациональный выбор традицией, с другой – социал-демократией, которая провозглашает примат коллективных субъектов политики, т.е. классов, над детерминируемыми ими индивидами.

Главная тенденция в изменяющейся трактовке природы человека состояла в том, что на место первоначала человека, дающего нам последнюю истину о нем, взамен универсального Разума стал выдвигаться Язык. Причем не модель языка, когерентная разуму, создавшему его по своему «образу и подобию», но язык как таковой, до членения на какие-либо модели и подчинения каким-либо универсальным правилам, язык, открывающий человеку самого себя в истории. Человек перестал конструироваться как абстрактный рационально мыслящий индивид. За индивидом открылся род, разум потеснили чувства и бессознательное. Помещенный в историко-социальный контекст, человек стал обрести внерацио-

нальными, но уже не менее важными для своей природы переменными. Оказалось, что структурной идеологемой разума вытеснялись такие равнозначные ему качества как вера, этнос, социальное положение, возраст, воображение и т.д. Человек обрел многомерность, и эта множественность человеческих начал перестала быть тождественной сама себе в одномерном рациональном пространстве представления. Оказалось, что язык не тождественен разуму, но гораздо шире последнего, что помимо научной модели языка существует множество других: язык чувств, жестов, аффектов, воображения и т.п. Язык человека стал более глубоким отражением его природы, чем сам Разум, вырвавшись из оков формальной логики и здравого смысла. Рациональность превратилась едва ли не в маргинальное качество человека, отражающее лишь одну из его черт и, возможно, не самую главную.

Иными словами, научная истина о природе человека приобретает идеологический характер, когда ее вписывают в некие готовые результаты и формы, получаемые политической наукой и сопряженные с социальными, экономическими, культурными интересами, в которых она поначалу становится вторичной, потом изменчивой, а затем и полностью растворяется. Распадение онтологической целостности человека, дифференциация познания человека путем разграничения философии, науки (биология, археология, история, антропология, психология и т.д.) и религии, каждая из которых трактует человека лишь в рамках своих частных дискурсов, ведет к нарастающей фрагментации синтетических оснований гуманности, облегчая тем самым задачу манипулирования ими через сведение человечности к ее «нормативным» качествам.

В XX в. было принято считать, что наиболее сущностное знание о человеке может дать психология, пытающаяся опереть свой теологический дискурс на авторитет науки. Тем не менее психология, приступая к делу, уже требует некоего первоначала, теоретической схемы человека для собственно психологической интерпретации, что указывает на структурно-идеологический характер самой психологии. У Хайдеггера есть замечание о том, что «здесьбытие» человека, его природа-сущность, никогда не стави-

лась под вопрос в Новое время¹. Постмодернизм идет еще дальше, утверждая невозможность обосновать и вывести природу человека из некой сущности, тем самым превращая его в человека без свойств или, иными словами, определяемым тем контекстом – политическим, экономическим, религиозным, в который мы его помещаем и рассматриваем в каждом отдельном случае. Соответственно, сущностные, естественные качества человека всегда будут пребывать в зависимости от конформного для данной власти образа человека, его модели, легитимизируемой обычно из сферы должного. Однако ключевое место человека в политике связано с невозможностью детерминировать его полностью с помощью любых структур, законов и моделей, поскольку человеку присущи желание и воображение, которые всегда будут рвать любые накладываемые на него самотождественные модели и структуры. Переинтерпретация же последних обусловлена историческими трансформациями социально-политических структур.

В этом смысле природа человека предстает как «актуально бесконечная», но тем не менее реализуемая в конечном пространстве политики, в имманентных этой конечности формах. В политике реализуются идеологические концепты, т.е. только модели человека, обусловленные актуальностью в данный момент тех или иных его качеств, связанных с задачами борьбы за власть и легитимирующих эту власть в рамках конкретной исторической «эпистемы».

Однако кризис всего идеологического дискурса Просвещения и его модели политического субъекта ставит под вопрос положение человека как центра постсовременной политики, определяющего ее суть. Вполне возможно, что и политический человек-субъект не вечно стоит на воздвигнутом для него властью пьедестале и на смену уже готовы заступить различные неархаические и постмодернистские концепты: традиция, техника, трансперсональность, нарратив, и т.п., модель метаязыка которых будет голосом новой власти.

---

¹ *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики // *Время и бытие: Статьи и выступления.* М.: Республика, 1993. С. 342-343.

Различие трактовок природы человека, которые определяют «антропологию власти», – есть различие политологических мета-языков, которое лежит в основе политического ядра общества и служит критерием и условием связи прочих политических феноменов, определяя в том числе и «символически генерализованный» код власти. В ходе установления капиталистического общества сущность человека оказалась подчинена логике господства универсального имманентного экономического обмена и референции Капитала, освобожденного от ценностных ограничителей. В условиях господства «экономизированного» кода власти оказалось, что любая ценность может быть овеществлена, любой объект может стать товаром и быть оцененным: концепт меновой стоимости подчинил себе сдерживавшие его ранее религиозные и культурные ограничители. Нет ценностей и объектов, которые можно было бы освободить от этого оценивания, в том числе и человека. Человек полностью может быть оценен, т.е. овеществлен как товар. Неподвластная такой оценке сущность человека выводится за рамки описания как не влияющая на данную референцию: «Все проходит и все продается. Человек – такой же товар, как и все остальное, и у каждого из нас свой срок годности»¹.

Сущность человека являлась условием легитимации политической власти в докапиталистической, доидеологической политической мысли лишь в той степени, в которой она отсылала исследователя к чему-то трансцендентному в человеке, к тому, что превосходит человека в самом себе, будь то служение богу, царю, государству, народу, классу и т.п. Логика и референция Капитала – овеществление и оценивание – вдруг оказываются неуниверсальными, историческими в ситуации, где только причащение к надындивидуальному миру идейных символов наделяет человека-субъекта правом голоса, придает власть его политическому Слову, будь то Слово от имени общины, народа, класса или государства.

Центрированность традиционного общества на силе Слова, на сакральных истинах, преподносимых как абсолюты откровения, весьма тесно переплетается с приоритетом превращенной формы

---

¹ Бегбедер Ф. 99 франков. М.: Иностранка, 2002. С. 18.

религиозной традиции: «В начале было Слово, и Слово это было у Бога, и Слово было Бог»¹, вытесненной позже модернизированным научным дискурсом истины как модели, истины как приближения. В последнем случае дискурсом истины является норма, что-то усредненное, консенсусное, договорное, но не всепоглощающее, снимающее все идеологические, секулярные противоречия откровение Слова.

Современная политическая глобализация обостряет это состояние до предела, разрушая нации и государства, приводя к тому, что вместе с политическими институтами, поддерживающими нацию-государство, исчезают и надличностные коллективные, групповые ценности, на которые они опираются. Естественно, доминирующим в отсутствие «политически иного», но за его счет становится номиналистский гуманистический дискурс. Любые концепции, противопоставляющие методологическому индивидуализму – холизм, т.е. приоритет перспективы классового, общественного интереса (целого) над частным интересом индивида, тут же дискредитируются путем обвинения в тоталитаризме.

Однако здесь возникает явный парадокс. В традиционном обществе политическое понятие свободы возникает не из абстрактно-естественного договора индивидов («делай, что хочешь, только не мешай другим»), не из «природного» стремления к ней. Свобода изначально мыслится как социальная категория, подразумевающая внутренние ограничительные условия. Более того: «Свобода, лишенная оков “иррациональной” этики (Бога, любви и совести), в представлении мыслителей традиционного общества – это свобода бесов. Ее утверждение неминуемо ведет не только к разрушению самого одержимого, но и к гибели невинных людей, никакой закон их не спасет. Подавление этической ответственности означает и подавление свободы, сверхчеловек – тоже раб»².

Как ни парадоксально это звучит, но внешняя несвобода от «тоталитарной», т.е. всеобщей политической этики, от соответст-

---

¹ Евангелие от Иоанна // Библия. М.: Духовное просвещение, 1991. Т. 2. С. 311.

² *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. Т. 2. С. 620.

вия формальным, общепринятым символам и авторитетам в традиционном обществе может естественным образом сочетаться с внутренней свободой. Предельно развитые формы самиздата, кухонных посиделок и практически тотального интеллигентского инакомыслия в СССР – наглядное тому подтверждение. На Западе, наоборот, в условиях разрушения единого универсума символов и ценностей, невозможности контролировать общественные отношения опосредованно средствами всеобщей морали, власти не оставалось ничего иного, кроме как прибегнуть к контролю внутреннего субъективного пространства человека с помощью технологии манипуляций. Предоставив индивиду полную свободу тела, эту предельную свободу частной собственности, власть «приватизирует» при этом его сущность (душу), симулируя ее как «естественный рациональный орган», как здравый смысл, развивая концепты «управляемой демократии» (легитимация манипуляций) и общества потребления (формы «потребительского контроля»).

Постмодернистская политика легко инкорпорирует любые неподчинения и отличия. При этом политическая критика лишь подчеркивает формальную терпимость власти, а свобода превращается в главное оружие легитимации, концептуально отождествляемое с данной политической системой. Вызов такой системе может быть только парадоксальным: не требование свободы, потому что и так все давно освобождены из-под диктата привилегированной нормы (норма=ненорме), а отказ от такой свободы является реальной критикой, выходом из predetermined вариантов выбора на закон (субъекта), который эти правила выбора устанавливает.

Община в своем широком понимании, как микромодель «теплого общества», отличается цивилизационно от общества гражданского с его микромоделью протестантской секты, в котором, следуя «естественному» механизму конкуренции, идет непрекращающаяся «холодная война всех против всех». Тоталитаризм общины выражается, прежде всего, в том, что она равнодушна, вовлечена в судьбы составляющих ее людей. Человек в общине конечно же не является суверенным гражданским атомом, он – составляющая целого, представитель всего народа, который, в отличие от гражданского общества, вовсе не является механической

агрегацией суммы индивидов, но составляет качественно иное социальное образование, где все связано со всем, как части в едином социальном организме, расширенной до политического состояния семье. Поэтому как права и обязанности отдельных членов этой семьи выходят за рамки их частного «жизненного мира», так и обществу-семье позволительно интересоваться жизнью человека гораздо глубже полагаемых гражданским обществом суверенных границ неприкосновенности частного состояния индивида.

Власть действует от имени политической семьи-общины. Подобный тип власти по своему генезису глубоко трансцендентен, традиционен и патриархален, как и само подобное взаимодействие, где власть, в виде своих политических институтов, ответственна за граждан, а политическая культура носит типичный подданнический характер. Отсюда же вытекает и повышенная степень ответственности человека: не только за себя самого, но и за родственников, сослуживцев, соседей и за народ-семью-класс в целом, которые, в свою очередь, ответственны за всех членов составляющих их семей. И только на этом безусловном чувстве ответственности «своей за всех» и «всех за себя» возможно надстраивание политических свобод как мер, регулирующих степени различных ответственностей. Человек здесь является гражданином именно в силу своей причастности к целям и свершениям, выходящим за рамки его частного бытия, но касающимся жизни включающих его общностей, коллективов и страны в целом. Условием такого типа взаимодействия человек-власть является тот факт, что в традиционном обществе тело не рассматривалось как частная собственность личности.

Наоборот, отчуждение через бинарный код: коллектив-индивид, душа-тело, власть-общество и последующее взятие собственного тела в частную собственность служит основанием любой другой частной собственности и надстраиваемого на ней политического суверенитета человека как гарантии неприкосновенности этой собственности. Иными словами, индивидуальная частная собственность в современной (капиталистической) ее интерпретации служит условием распада традиционного общества, разделения людей на два класса: собственников, обладающих политическими

правами, и несобственников, выпадающих по этой причине из «политического класса». Отсюда вытекает отсутствие у несобственников политических прав и возможностей их защитить в условиях разрушения традиционных политических механизмов первыми образцами формирующегося «дикого» капитализма. Но как пишет Н. Хомский, «Нет прав *собственности*, есть лишь право *на* собственность, т.е. право лиц, имеющих собственность»¹. В докапиталистическом, религиозном дискурсе «капитализация» общественных отношений собственности описывается в рамках сюжета изгнания человека из рая, прихода общества в падшее, греховное состояние.

Таким образом, в заключение можно сделать вывод о том, что человек в традиционном общинном состоянии просто имеет большую степень как прав (свобод), так и обязанностей (ответственностей) перед обществом-государством, он органически влит в это общество, в сравнении с гражданским обществом, постоянно находящимся в состоянии «холодной войны». Идеологический спор западников и «патриотов» исторически строился как риторический. Ни те, ни другие не рассматривали абсолютную сумму прав и обязанностей человека «здесь» (в России) и «там» (на Западе) в ее отношении к свободе человека. «Освобожденцы» легитимировали свою модель сравнением обязанностей у нас и на Западе, «тоталитаристы» указывали на разницу объема гарантированных прав и свобод в целом, а не только в части формально декларируемых «политических свобод».

§ 4. Исторические метаязыки политической науки и появление постмодернистской политики

Уяснение нормативной структуры «современной политики» и кризиса этой структуры в постмодернистской версии политической эпистемологии является необходимым условием постижения ценностно-методологических оснований метаязыка политической науки и его новейших трансформаций.

---

¹ Хомский Н. Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок. М.: Праксис, 2002. С. 71.

Историческая эволюция политического состояния общества прошла ряд этапов, в каждом из которых господствовала определенная, имманентная именно данному состоянию политического структура представлений о человеке, власти, природе, «высшем благе», которые предлагали объяснительные и легитимирующие идейные структуры для политической власти. Структура идей и символов в исторических политических сообществах образует совершенно различные идейные стержни, вокруг которых оформляется пространство представлений о первоначалах, принципах, ценностях и целях, на основании которых должны строиться отношения по поводу власти.

Смещение исторических метапарадигм политики и доминирующих в них базовых мифов общества в единую, панлогистскую цепочку общечеловеческого прогресса только затемняет суть проблемы. Более того, опрокидывание на прошлое или будущее самоочевидных для современности категорий, описывающих политику, ценности, модели общества и человека, лишь затрудняет познание сущности «не-современной» политики и видение возможных альтернатив этой современности, в том числе и внутри нее самой.

Обозначить исторические метапарадигмы, между которыми лежат фундаментальные разрывы представлений о политическом, о власти, обществе и человеке, можно следующим образом:

1. Политическое как мифологическое. Здесь в области властных отношений господствуют объяснительные структуры мифа с их слитностью сакрального и земного, мгновенностью перехода этих состояний друг в друга, вещественностью представлений, оборотничеством, телесностью, алогизмом, неразличимостью языка и мира, субъекта и объекта и т. д.

2. Политическое как религиозное. Божественность опыта политического бытия. Истина как откровение обладает мистической формой. Холизм. Непререкаемость традиции. Основанием оправдания власти является всеобщая мораль, вырабатываемая от имени Бога институтом церкви. Политическая этика основана на понятиях долга, чести, славы. Производится четкое разделение сакрального и земного. Социально-политическое устройство общества выводится из сакрального, высшего порядка ценностей.

3. Политическое как идеологическое. Антропоцентризм. Господство объяснительных структур идеологии как системы ценностей, имманентной автономному политическому полю. Рациональность опыта политического бытия. Логическая форма этого опыта как условие его истинности. Впервые субъектом политики становится индивид, обладающий универсальным, абстрактным рассудком. Вывод социально-политического устройства общества из посясторонних, «земных» концепций: общественный договор, естественное состояние, гражданское общество, материальная эволюция социально-политических формаций и т.п.

4. Политическое как нарративное. Связано с состоянием и ситуацией Постмодерна, который предлагает различные транс-идеологические объяснительные структуры политики, такие как иллюзорность (виртуализация) политического бытия, моделирование политики через алгоритм игры, деконструкция идеологии, смерть субъекта, «имплозия масс». Речь идет о крахе классических рациональных моделей легитимации власти, связанных с суверенитетом, общественным договором, выборными процедурами, принципом большинства, представительностью и делегированием политической воли. Постмодерн связан с кризисом идеологий как кризисом организующих политику «метарассказов», делегитимацией идеологических моделей человека, общества, власти, концептов свободы, прогресса, прав человека, гражданского общества и т.д. В ситуации Постмодерна субъективный политический опыт (знание) вновь приобретает самоценность, не нуждаясь в классических научных процедурах верификации: объективации, рациональном объяснении, возможности воспроизведения и т.п.

Внутри каждой из этих исторических метапарадигм лежит особый политический код истины и аутентичная его внутреннему политическому пространству система символов, идей, представлений. Их отличия от других периодов более значимы, чем сходство. Каждый следующий этап содержит в себе «снятые», подавленные черты предыдущих, в том числе в качестве примеров не-нормы, конституирующих собственно политическую норму. Актуальная политика таким образом многолика и многослойна. Перечисленные идеалтипические исторические формы могут сосуществовать одно-

временно и даже следовать принципу дополнительности в отношении друг друга. Для полного выражения сущности современной политики, по-видимому, требуется уже не «монолог», а, своего рода, «полилог» метаязыков.

Особый интерес представляют третий и четвертый этапы развития властно-политических отношений. А именно – структура тавтологического и парадоксального метаязыков описания политики, присущих ее идеологическому состоянию, и переход к политическому как постидеологическому (нарративному), описываемому символическим (постмодернистским) метаязыком. Идеология – это форма политического метарассказа власти эпохи Просвещения и Модерна. Идеология как борьба за великие ценности исчерпана, поскольку великие ценности овеществились и перестали быть таковыми, став атрибутом реальности. Отсюда новая задача метарассказа эпохи Постмодерна – не идеальное отражение идеологически «правильного» бытия, а производство комфортного сознания.

Далее предлагается анализ условий возникновения и структур трех исторических теоретических метаязыков: идеологического (в тавтологической и критической формах) и нарративно-мифологического. Эти политические метаязыки связаны с оппозиционной структурой знаковых (формализация) и символических (интерпретация) методов в области теории познания, с их антагонистическими стратегиями отношения политического исследования к доксе, имеющей статус непосредственной политической реальности. Методы эти воспроизводятся в парадигмах политических наук и выражаются в трансценденции доксы – мораль, в формализации (апология) и интерпретации (критика) доксы – идеология, игре-манипуляции контекстами и детерминантами доксы – логика нарратива. То есть в традиционном обществе метаязык политической науки опирается на мораль, в современном – на идеологии, в актуальном «состоянии Постмодерна» – на нарратив.

Конкретизировать на уровне политологических подходов выделенные идеалтипические методологические модели метаязыка можно следующим образом. Тавтологическая модель метаязыка политической науки методологически реализуется в наиболее чистом виде в англосаксонской модели политической науки, отри-

цающей все субъективное, выводящей споры о ценностях за пределы политической науки и не признающей нормативный уровень политики. Это означает, что в рамках данной модели возможен только один вид отношения к ценностям – апология господствующих ценностей, норм, традиций, принимаемых как нечто естественное, нерелексируемые составляющие элемента сложившегося политического порядка. Здесь можно отметить такие подходы, как позитивизм, институционализм, теория рационального выбора, бихевиоризм, структурно-функциональный подход и т.д. Тавтологическая модель является наиболее массовой, фактически основополагающей для современной политической науки.

Парадоксальная модель метаязыка политической науки основана на представлении о неразделимости политики и политологии, ученого и идеолога, имея ярко выраженную «левую» политическую ориентацию. Методологически она связана с неомарксизмом, герменевтикой, структурализмом, антропо- и культуроцентризмом политического мышления, выходом политической теории на принципиальные ценностные проблемы истинного/ложного, справедливого/несправедливого соотношения политического сущего/должного.

Наконец, нарративная модель метаязыка реализуется в методологических рамках вариантов Постмодерна, постструктурализма, деконструкции как тотальной критики Просвещения и Модерна, любых универсальных и тотальных политических проектов, стилей мышления, норм, ценностей, претендующих на глобальную императивную общезначимость и объективную политическую истину (реальность). Речь идет о разнообразных теориях виртуализации общества, парадигмах глобализации и транснационализации, проблемах соотношения реальной политики и электронной гиперреальности и т.п.

В традиционном, «доидеологическом» обществе политической теории в современном ее понимании не существует, так как нет необходимости в теоретической рефлексии над доксой, из которой, собственно, и вырастает политическая наука. Докса выступает как набор самоочевидных тезисов-аксиом, не требующих концептуального обоснования и доказательства, но выступающих как

критерии, которыми руководствуются публичные политики и идеологи. Докса воспроизводится, прежде всего, в формах здравого смысла, общественного мнения, «нететических тезисах» (П. Бурдьё), «очевидных вещах», «естественном» и т.п. Традиция, мифы и авторитет всеобщей морали, которые обосновывают доксу, являются по отношению к ней первым «доидеологическим» теоретическим метаязыком описания. До установления своей автономности политическое поле функционирует в доидеологическом обществе, подчиняясь общим ценностям, правилам, институтам на основании доксы как «отношения непосредственного согласия с миром» (П. Бурдьё).

Доксическое представляет собой своего рода «жизненный мир», «нулевую степень» политики. Реальный политик имеет дело с политическим как с доксическим. Докса выступает как набор самоочевидных тезисов, не требующих концептуального обоснования и доказательства, но выступающих как объективные «объясняющие» критерии, которыми руководствуется публичный политик в своих действиях. Но политик не может при этом одновременно заниматься самоописанием, т.е. собственной объективацией. Эту задачу выполняет политическая наука. Политик имеет дело с политическим бытием как наличием опыта конкретных объективных проблем, задач, фактов, явлений, которые воспринимаются без теоретической рефлексии как непосредственная, безусловная данность, с которой мы сталкиваемся в столь же непосредственной политической практике. Доксический уровень политики нас в данном случае интересует лишь постольку, поскольку он является исходным материалом, «означаемым» в структуралистской терминологии, для политологических метаязыков, «схватывающих» этот дорефлексивный доксический опыт политики как «системы действия» в теоретических формах.

Политическое знание имеет дело с уже осмысленными и оцененными фактами. Его отправной точкой служит содержание политического опыта, в свою очередь ставшее предметом речи научного языка. Доксический опыт человека предстает как «нулевая степень», то, что объективируется и интерпретируется с внеположенных ему позиций. Исследователь отстраняется в своей вторичной

рационализации от фактов, осмысляя их только как объект, как текст, который можно прочесть лишь владея метаязыком политической науки. Истинность кода политологического метаязыка подтверждается его способностью расшифровывать политику как текст, адекватностью его теоретического кода текстовому содержанию. Базируясь на основании доксового опыта, метаязык обобщает его в целостную картину, недостижимую в рамках самого опыта. Здесь ученый помещает содержание опыта в контекст теоретических схем, которые абстрагируются от особенного (личностного) в доксовом опыте в пользу рациональности внешнего для этого опыта метаязыка.

Современное автономное политическое поле и политическая наука, основанная на ценностях, воспроизводимых внутри этого поля, впервые появляются только тогда, когда политика приходит в идеологическое состояние. Этот процесс тесно связан с проектами Реформации, Просвещения, капиталистической Модернизации, каждый из которых внес свой вклад в автономизацию политической теории от трансцендентных ценностей, находящихся вне этого поля. Проект Просвещения¹ привел к тому, что имманентные идеологические ценности стали самоценными, а политика превратилась в посюсторонний конфликт социальных, экономических, национально-государственных, классовых интересов, т.е. пришла в идеологическое состояние.

Условием эффективного функционирования доксы является самоочевидное тождество категорий описания мира и наблюдаемых структур этого мира. В политологическом дискурсе поддерживать тождество политических категорий и мира призвана уже не докса, а теоретическая форма идеологии. Принцип идеологии как метаязыка по отношению к доксе заключен в торможении рефлексии (самоописания) и в нейтрализации «иного», т.е. политических альтернатив, нарушающих это тождество. Отсутствие политической рефлексии (самосознания) и «иного» обуславливает отсутст-

---

¹ В особенности его осмысление «задним числом», по итогам Великой Французской революции, когда он, собственно, и приобрел свою идейную оформленность и историческую целостность.

вие каких-либо значимых альтернатив сложившемуся идеологическому статус-кво, который идеология и призвана закреплять. Таким образом, идеология здесь в теоретической форме симулирует политическую доксу.

Возникнув как анализ идей, идеология претендует на абсолютность своей истины, обнаруживая «ложность сознания» своих противников. Впервые «разоблачающую» технику открытия «ложного сознания» властного субъекта применил К. Маркс. Ложность выявлялась анализом онтологических корней идеологического мышления соперников, определяющим историческую неуниверсальность этого мышления, его нетождественность политическому бытию как таковому. Так функционирует «тотальная идеология» (К. Манхейм), организованная на метаязыковом уровне на условиях знака. На данном фундаменте концептуально организуется реальная политика как противостояние «больших идеологий». Однако превращение идеологии, связывающей мировоззрение со структурированными социально-политическими группами и интересами, в систему политического знания, в современную политическую науку происходит лишь тогда, когда онтологическому анализу подвергается собственная онтологическая, социальная основа мышления, а негативное понятие идеологии как «ложного сознания» переходит из категории особенного, присущего только соперникам, в категорию всеобщего, превращаясь в систему политических наук. Именно рациональная наукообразная форма идеологии впервые синтезировала, с одной стороны, физикалистские, предельно реалистические описания политики в виде частного «субъективного опыта», с другой – тотальные «утопические проекты», схватывающие политику в целом. Идеология стала структурной моделью для классической политической науки XIX–XX вв.

Лишь когда политика приходит в идеологическое состояние, возникает потребность в новом метаязыке, который должен воспроизводить легитимирующий «метарассказ» в форме идеологии: либерализм, консерватизм, коммунизм и т.д. Ранее эту функцию для политики выполняли миф и религия. Появление современной политической науки связано с идеологической формой метаязыка, где идеология является ничем иным, как историческим «метарас-

сказом», структурирующим политику на третьем «классическом» ее этапе, этапе реализации проектов Просвещения и Модерна.

В классическом идеологическом состоянии политики дискурс власти стремится создать в политической науке «немоту» вокруг своей модели беспроблемного знакового метаязыка, дабы удерживать тождество его категорий с замкнутым-на-себя политическим универсумом. Здесь речь идет не о сущности метаязыка, поскольку этот вопрос затрагивает содержащийся в нем дискурс власти, но лишь о классификации политических феноменов и способах улучшения функционирования существующей политической системы. Метаязык в такой ситуации может быть не предметом вопрошания и анализа, но всего лишь носителем и способом изъяснения «властных» идей. В нем отождествляются «жизненный мир политики» и «система политического знания» как «объективное» представление о нем. Метаязык власти выводится из-под критики, занимая привилегированное место «над политическим». Сама возможность такой диспозиции даже не ставится под вопрос. Он определяет себя как единственно возможный объективный метаязык, который говорит о политике. Другие модели метаязыков вытесняются за рамки «научности», тождественные рамкам данного метаязыка. Таким образом, доминирующий внутри политической науки теоретический метаязык всегда связан с самореференцией власти.

Энкратический метаязык в политической науке традиционно связан с методом формализации, где прелюдией к началу собственно политической мысли служит принятие всего «таким, какое оно есть». Таким образом, в основу политической реальности кладется докса, как мнение большинства, здравый смысл, которые, фактически, не будучи критериями научных истин, становятся их априорными условиями и основаниями. Они воспринимаются политической наукой как данность, реальность, наличие, объективность, прежде чем начинается рефлексия самой науки, уже базирующаяся на этих основаниях.

Иными словами, для утверждения политической науки как изначально двойного института – знания и власти – была необходима бесспорная «объективная» парадигма в ее основании. Ведь споры о научном статусе, подходах и методах объективации поли-

тики подрывали бы другой ее столп – легитимацию власти. Поэтому в основу современной политической науки при ее учреждении был положен поиск научных истин, ведущийся как идеологическая деятельность, т.е. при постоянном контроле политического знания властью. Отсюда тождество в энкратическом метаязыке политического и политологического как попытка полного присвоения и доминирования первого над вторым. Тем не менее подобное идеологическое тождество скрывает, но не устраняет двойственность статуса политической науки, связанную со столкновением в ее эпистемологическом дискурсе описательных кодов научного знания и политической власти, стремящейся контролировать любое возможное знание о себе. И способы контроля, будь они жестко-тоталитарными или мягко-демократическими, формирующими «повестку дня» и «общественное мнение», несколько в данном случае не влияют на принципиальную природу политической власти.

Развитие методологии гуманитарного знания, модернизация общества, появление новых форм коммуникаций не могли не трансформировать политическое поле. Изменились критерии эффективности и формы властного воздействия. Это повлекло трансформацию стратегии власти в отношении знания о себе. Дискурс постсовременной власти старается активно внедряться в символические (постидеологические) метаязыки. Здесь власть симулирует, вопреки классическим методологическим традициям своего оправдания, и собственные противоречия, и конфликты парадигм, и различные метаязыки описания политики, не оставляя попыток их контролировать.

Актуальный Постмодернизм как «состояние» политического знания и «ситуация» политического мышления связан именно с осмыслением и продуцированием политического как символического, когда в отсутствие универсальных научных критериев истины в политической картине мира находится место любому дискурсу. Попутно обнаруживается, что объективная политическая картина, если таковая имеется, всегда соответствует лишь дискурсу власти. Однако это соответствие возникает не потому, что дискурс власти истинен, а в силу того, что он так социально сконструирован. В условиях же открытой конкуренции дискурсов

символы несводимы к знакам, а смыслы к значениям, что обеспечивает избыток означающих и возможность интерпретации любых концептов.

Постмодернизм – это состояние внезапной отмены правил политической игры, отсутствие соревновательности, где каждый приобретает свою истину, но никто не может сделать ее всеобщей. То есть власть не способна подчинить себе знание через универсальную норму и фиксированные значения тождеств. Да это оказывается и ненужным в условиях трансидеологизации политики и появления нарративных форм «научного» оправдания власти и объяснения политики. Цепляние за системы означаемых, постепенно приобретающих исторический характер, указывает на то, что дискредитация этих идеологических систем произошла раньше, чем основанного на них сознания экс-властного политического субъекта, который продолжает их использовать.

Постмодернизм методологически выступает в двойственной роли: революционно/анархической и в то же время реакционно/антиутопической. Постмодернистская методология, как инвариант, может служить как разрушению сложившихся политических тотальностей, тождеств и универсалий, так и дискредитации любых утопических проектов, которые взрывают «общепринятые» концепты и претендуют на новую универсальность, потерянную «идеологической современностью». Если неомарксизм еще был связан с критической теорией и политической борьбой, то Постмодернизм рисует ситуацию ухода идеи революции в политическое бессознательное. Эффективность современной революции уже не связана с насилием и «раскачкой» холодных масс.

Постмодернизм понимает свою «революционную миссию», прежде всего, как противостояние тотализирующей целостности Модерна и его экономикоцентричного аналога – Капитализма (формирующего в настоящее время глобальный нелиберальный экономический порядок), через деконструкцию легитимирующих его онтологических и идейных оснований. Постмодернизм – это **ситуация и состояние конца идеологического**, но вовсе не некий новый «универсальный» политический концепт. Наоборот, это состояние отсутствия доминирования в политике нового эф-

фективного концепта, универсального базового ядра ценностей структурно организующего новую систему политических ценностей, т.е. новую идеологию, мифологию, базовый миф, связанные с какими-либо значимыми трансцендентными и онтологическими субъектами. Обретение такой опоры будет скорее всего связано с переосмыслением и структурной адаптацией парадигм доминировавшего ранее знакового метаязыка «политического как идеологического».

Актуальный символический дискурс «пост-Модерна» характеризуется преобладанием расколотого (шизоидного) типа мышления, связанного с множественностью параллельных интерпретаций одних и тех же явлений¹. Причем эти интерпретации никак не ранжируются и не дифференцируются. Они просто сосуществуют, и это сосуществование, само переходно-промежуточное состояние мыслится субъектом как естественное.

Академическая политическая наука, анализируя политические явления и конструируя идеологические концепты, объясняющие политическую реальность, опасается затрагивать собственное пространство политического представления, его методы, границы и детерминанты познания.

Это пространство структурируется, в первую очередь, энкратическим политологическим метаязыком, поэтому не может быть естественным в качестве предельной реальности. Симптоматичное отсутствие интереса к собственному метаязыку в политической науке указывает лишь на господствующее стремление установить закрытый контекст исследований, присущий идеологической по своей форме самореференции власти. Разомкнуть подобную непротиворечивую методологическую структуру, маскируемую под универсальную, можно лишь преодолев ее тавтологику. Иными словами, найти такую внесистемную позицию, «не-позицию» (Ж. Деррида) по отношению к ней, которая позволила бы поставить под вопрос закон ее функционирования в целом. Подобная техника наиболее эффективно реализуется, на наш взгляд, путем анализа

---

¹ См.: Руднев В.П. Характеры и расстройства личности. Патография и метапсихология. М., 2002. С. 188-189.

структуры метаязыка политической науки, который, будучи фундаментом любой политической системы, теории, никогда не принадлежит полностью ни одной из них.

Проблема состоит еще и в том, что политическая наука балансирует на стыке кодов знания и власти, где последняя, будучи формальным объектом, тем не менее всегда стремится встать в субъектное отношение к изучающей ее науке, т.е. активно определять истину научного знания политической науки о себе. Это влияние связано с властным характером самого политического знания, с подмеченным М. Фуко¹ тождеством воли к знанию и воли к власти, особенно явным в политическом дискурсе. При этом дискурс власти представляет собой в политической науке не что иное как набор способов ее легитимации. Власть оправдывается через научное знание о политике. Поэтому анализ форм политического знания, методов его получения и верификации является способом выявления дискурса власти. Именно поэтому специфика выявления метаязыка политической науки неотделима от выявления сущности политической власти, например посредством смены форм ее легитимации в политической науке. Проблема определения власти заключается в том, что субстанция власти постоянно меняется вместе с исторической трансформацией метаязыка политической науки. Поэтому природа власти никогда полностью не совпадает с мыслительными концептами и властными структурами, с которыми ее отождествляют нормативные определения. Рано или поздно последние обнаруживают свою ложность в попытке зафиксировать сущность власти и политическую истину за определенными социальными структурами, институтами, группами и интересами.

Трансформация политического знания в символический капитал власти происходит путем превращения истины (описание) в норму (предписание). Норма опирается на структуралистскую догму о взаимно однозначном и неизменном соответствии реальности и представления о ней в тождестве политического означаемого и означающего в знаке. Естественно, тождество отрицает время,

---

¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.

принципы иррациональности, случайности и стихийности. Оно сопряжено с тотализирующими по своей природе властными интересами, которые не заинтересованы в развитии бытийных и мыслительных изменений, ставящих под вопрос их собственные исторические основания. Поэтому вполне понятна интенция власти зафиксировать политический мир в своей модели знакового идеологического метаязыка. Поскольку эта модель претендует на универсальный язык, то ее эффективность базируется не столько на возможной истине, сколько на том, что она исчерпывает весь возможный политический язык (политическую реальность), все понятия, не оставляя места для альтернативных ценностей, смыслов, интерпретаций, которые оказываются за пределами выстроенной таким образом системы политического знания.

Однако тождество формализации и формализуемого, что собственно и объявляется истиной, требует своего доказательства. Знаково-энкратический метаязык отсылает в качестве своего основания к доксе, здравому смыслу, принципу самоочевидности как тому очевидному и непротиворечивому основанию, что не нуждается в доказательстве. Таким образом, мнение, лежащее, по Сократу, между знанием и незнанием, вытесняет истину как проблему в область трансцендентного, опираясь на самоочевидные нормы, легитимируемые с помощью концепта «естественности». Политологические теории фактически сливаются с идеологией, которая, имея концептуальное тавтологическое ядро, может иметь совершенно различное историческое наполнение разного рода «(само)-очевидностями».

В политологии господство знаковой энкратической модели метаязыка означает, что метод и представление о политике задается, прежде всего, самой политической властью, лоббирующей свои интересы и представление о себе в структуре данного метаязыка. Код власти осуществляет здесь гегемонию над кодом знания. Прервать непротиворечивость модели политической науки, основанной на самореференции власти, способно, на наш взгляд, обращение к самому метаязыку политической науки как объекту исследования. Власть укореняется в априорной структуре метаязыка, формирующего политологические аксиомы представления. Поэтому

метаязык, опирающийся на концепт естественности и лишь отражающий окружающий мир, является по своей природе властным метаязыком. Он не может выйти за рамки естественного (=властного) порядка вещей, поскольку вне этих рамок он становится немым. Признать возможность «другого порядка вещей», справедливость критического метаязыка оппозиции и парадоксальность истины, не всегда тождественной очевидному, – значит добровольно отказаться от власти, обнаружить свое «политическое бессознательное».

Методология акратического метаязыка заключается в том, что исследователь работает с внутренней логикой политической системы не напрямую, но опосредованно, используя методы и средства анализа политических явлений из смежных областей знания. Ученый и власть, теоретический и практический субъекты не сталкиваются лицом к лицу. Речь идет, прежде всего, о междисциплинарном подходе, связанном с переносом на анализ власти символических техник: герменевтики, постструктурализма, мифических, антропологических, психологических интерпретаций политики, заново реконструирующих властно-политическое пространство.

Акратическая модель политического метаязыка тесно связана с обращением исследователей к власти через призму «иных», неполитических явлений, которые говорят о власти, не вовлекаясь непосредственно в ее поле: М. Фуко разглядывает власть сквозь призму дискурсов знания, Р. Барт описывает механизмы порождения власти из языка, Э. Канетти и С. Московичи выводят уравнение власти из таких социальных явлений как массы, Ж. Бодрийяр связывает изначальную власть с системами неравного обмена, психоанализ обнаруживает власть в бессознательном и т.д. Речь во всех случаях идет если не о замене, то, по крайней мере, о выявлении соотношения самонаблюдения политической власти с наблюдением за наблюдателем, т.е. применением в области политики таких методов и средств ее анализа, которые с традиционной точки зрения не принадлежат политологии, могли бы показать, как реальные коды власти проникают в политическое знание, детерминируют рамки политических представлений и научный метод, замыкая политологию на знаковую модель метаязыка.

Разрывающий самореференцию власти утопический метаязык дает нам, кроме демонстрации механизма самоописания власти, неконтролируемый ею контекст, выводящий ее за пределы самотождественности. Речь идет не об открытии «естественных» позитивных законов политики и «общепринятых» определениях политических феноменов, которыми занимается знаковая модель метаязыка политологии, но о том, «как» и «кто» их устанавливает. Иными словами, кому выгодно и кто определяет, чтобы они были таковыми. Все это отсылает нас к выходу на сами основания политического, т.е. к власти: каким образом она объективирует себя в политологии, на концептуальном и феноменологическом уровнях, как себя описывает и, наоборот, как ускользает от критических определений, растворяясь в непоименованности.

Таким образом, в дискурсе знакового метаязыка политика как система самотождественна, непротиворечива и замкнута в себе через тождество означающего и означаемого. Логика знания-власти является единственной, а потому объективной, истинной и непротиворечивой. Выйти за рамки данного метаязыка можно лишь «тематизировав» логику власти в политической науке извне, что отсылает нас к поиску **иного** по отношению к политической системе, т.е. к поиску разрывов, скачков и внесистемного, что невозможно, пока мы находимся внутри логики тавтологии, «естественности» и очевидности: «нечто есть то, что оно есть».

В любом случае «Претензии концепции на общезначимость неизбежно выступают как властные и могут быть подтверждены в символической борьбе не в силу метафизической фундированности очевидным присутствием или непосредственной достоверности концепции, а в силу ее социального превосходства: социологическая теория завоевывает право на существование благодаря гомологии ее научной позиции – доминирующей властной позиции»¹. Те же выводы еще в большей степени справедливы для политической науки.

Логика истины знаковой модели политической науки рушится, когда она сталкивается с чем-то, что, являясь неустранимым «иным»,

---

¹ Качанов Ю.Л. Эксперимент над истиной // Поэтика и политика. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1999. С. 108.

не может быть «переварено» в логике тождеств и сходств, усвоено во внутреннем пространстве власти. «Иное» указывает самим фактом своего существования на неполноту энкратического метаязыка, ряд различий, неverifiedируемых кодом истины как абсолютного тождества. Отсюда возникают альтернативные метаязыки описания политики, ускользающие от включения во властный контекст. В качестве альтернативного контекста может выступать История. Либо наоборот: контекст берется столь узкий, что не позволяет развернуть идеологию власти на микроуровне изучаемого объекта, вырванного из своего традиционного идеологического ряда. Наконец, еще один прием связан со смещением расставленных системной идеологией акцентов, когда означаемое начинает соотноситься с другим означающим и система идеологических маркеров не срабатывает.

Другой аспект проблемы связан с тем, что считается аксиоматичной высшей ценностью, задающей критерий значимости сходств и различий в политологическом исследовании. В этой роли могут выступать сущность человека, разум, мораль, интересы общества, эффективность власти, «высшее благо», справедливость и т.д.

«Немота» знаково-энкратической модели метаязыка политической науки в определении собственной высшей ценности связана с тем, что власть всегда стремится сконструировать контролируемую и непротиворечивую модель политики, когерентную ее интересам, но вовсе не интересуется сущностью политического как такового, поскольку это выходит за пределы ее задач в рамках политической науки.

По сути, легитимность власти выводится здесь из нее самой – ее функций, структур, техник, а исследователь наталкивается на негласный идеологический запрет опирать власть в дискурсе политических наук на то, что является опорой для самой власти.

Идеальная модель современного энкратического метаязыка политики возникла тогда, когда идейными дискурсами Реформации и Просвещения была разрушена традиционная всеобщая мораль как метарегулятор отношений человека, общества и власти. Всеобщий этический критерий истины был заменен на технологический научный критерий, исключая мораль из политического пространства. Трансцендентный «естественный религиозный орган» человека уступил место имманентному Разуму. Энкратиче-

ский метаязык воссоздал душу политики как Ratio, оформленное через новый привилегированный дискурс – дискурс политической науки как нормативного знания, связанного с психологией (психиатрией), биологией, социологией. Логика Желания – суть современной политики (власти), то, посредством чего она управляется, будь то инстинкты, потребности, неврозы, либидо, комплексы, права и свободы. Отсутствие Желания или, наоборот, его пресыщение, анализируется как патология, вызов универсальному энкратическому метаязыку знания-нормы, осуществляемые в виде безумия, маргинальности, преступности, иррациональности и т.п.

В наиболее явном виде эта трансформация власти была реализована на самом главном ее модернистском означаемом – на самом теле человека.

В доминирующем либеральном дискурсе западной цивилизации тела самодостаточных индивидов превращаются в их частную собственность, что освобождает их обладателей от таких морально-политических дилемм как проблема эвтаназии, проституции, эксплуатации и т.п. Однако освобождающее превращение соборной личности, органически включенной в различные надындивидуальные общности, в тело, в собственность индивида, с вытекающей отсюда моральной свободой им распоряжаться – обманчиво. Во-первых, тело из формы проявления духа становится вещью, включенной в рыночный обмен. Референция человека как полностью поддающегося оцениванию тела (по экономическим, политическим, сексуальным и прочим критериям) лишает его доступа к неизмеримому, неналичному сакральному измерению. В действительности, автономное от морали тело необходимо лишь затем, чтобы тут же «подключить» его к властному дискурсу Желания, в котором исполнение потребностей связано с нарушением различных норм и дискурсивных запретов, когда тело сначала необходимо символически «украсть» у нормы-власти, чтобы осуществить свое желание. Но власть возвращается как возмездие, эксплуатируя различные компенсаторные комплексы вины, вписывая знаки власти на чистые страницы тела, встраивая тело в дисциплинирующие дискурсивные практики, описанные в известных работах М. Фуко и Э. Канетти.

В свою очередь критика разума имела несомненную социально-политическую почву и в историческом плане была одной из форм борьбы с классическим либерализмом, идеологией буржуазии, реакцией на ее распространение на общество в целом. Ведь именно после того, как либеральный дискурс стал господствующим, он обрел влиятельных идеологических противников как из повергнутого аристократического класса (консерватизм, традиционализм), так и из отделившегося от него восходящего класса «трудящихся» (социал-демократия, коммунизм). Критика либерального дискурса как ангажированно рационального, как насквозь буржуазного привела к тому, что традиционная рациональная модель научного языка также была подвергнута пересмотру.

Смена модели метаязыка, переинтерпретация природы политического происходит очень редко, как правило, в переломные моменты истории, когда исключение из правила становится более значимым, чем само правило, открывая его неуниверсальность. Стабильность власти, обеспечивающая совпадение «плана содержания» (политическая система) и «плана выражения» (политическая теория), обеспечивает ситуацию познания, где природа политики считается в общих чертах познанной в рамках энкратической модели политического метаязыка. Нестабильная ситуация власти, борьба идеологий и утопий за свою социальную конструкцию политики приводит к множественности точек зрения, стимулирующей движение знания таким образом, что политика выходит за границы прежней властной модели метаязыка, к которой сводилось все старое идеологическое знание, и предстает как потенциальный результат науки, к которому она еще должна прийти благодаря накоплению знания.

В первом случае дискурс власти легитимируется рядом политических сущностей, абсолютизация каждой из которых, так или иначе, сопряжена с оправданием властных интересов. Во втором – суть эта еще не выявлена, сама ее возможность находится под вопросом. А следовательно, эффективная идеология власти еще невозможна. В первом случае мы имеем дело с господством в политической теории энкратического метаязыка, во втором – с попыткой создания альтернативных парадоксально-акратических метаязыков описания политики.

Итак, когда сущность политического оказывается познанной априори, мы имеем дело с властным метаязыком политики, сопрягающим интерес власти с данной сущностью и строящим на ее основании легитимный базис своей правоты и господства. Угрозой для власти предстает возможность «другой» сущности либо указание на противоречие заявленной сущности и некоей эмпирической либо теоретической реальности, разрушающей это основание власти извне. Вследствие этого энкратический метаязык изначально строит систему своей легитимации как самотождественную, непротиворечивую изнутри, с закрытым дискурсом высказываний и специфическим набором правил научной игры, которые не могут противоречить друг другу, следуя общей логике самотождественной Системы, каждый элемент которой легитимируется всей совокупностью других элементов.

Основное направление трансформации политологической методологии связано сегодня с актуальным дискурсом пост-Модерна, представляющим волю к окончательной дегуманизации и де-субъективации политики. Политические теории перестают выводить власть из природы человека. Вслед за животными, которым когда-то приписывалась душа, человек теряет политическую субъектность, перестает даже в теории рассматриваться как рационально мыслящий субъект, способный самостоятельно производить выбор из предложенных альтернатив. Кроме того, выяснилось, как замечает С. Жижек, что «“действительная свобода” означает, что акт действительного изменения... совершается только тогда, когда в ситуации вынужденного выбора человек действует так, как если бы выбор не был вынужденным, и “выбирает невозможное”»¹. Таким образом, подлинный выбор всегда индетерминирован, непредсказуем и потенциально катастрофичен для сложившегося политического порядка и действующего (легального) субъекта власти.

Поэтому структуралисты (М. Фуко, Р. Барт, Ю. Кристева), неомарксисты (Л. Альтюссер) прямо заявили о смерти субъекта

---

¹ Жижек С. Что может сказать нам Ленин о свободе сегодня? / Пер. с англ. А. Смирнова // Slavoj Zizek. Can Lenin Tell Us About Freedom Today? // Symptom. On-line newspaper. № 1. [WWW – document]. URL <http://www.lacan.com/freedomf.htm>.

или «смерти автора», образ которого ставился Просвещением в центр картины мира, познаваемой и создаваемой этим субъектом¹.

Человек превращается в чистый объект политики, который лишь «подключается» к властному порядку дискурса политической науки.

Соответственно, интерес к его сущности стремительно исчезает. Тот факт, что человек перестал быть центром политики пост-Модерна, подтверждает состояние «имплозии масс» (термин Ж. Бодрийяра), возникшее как следствие разрушения легитимирующего потенциала ключевого либерально-демократического концепта – представительности власти, в связке человек-общество-государство. Власть в условиях политической апатии масс-объекта не связана никакими «человеческими» формами обратной связи: ни корпусом избирателей (выборы, опросы), ни социальными классами (борьба за институацию интересов), ни гражданским обществом (правовые формы диалога с властью).

Если демос как политический субъект дискредитирован, фактически умер, что отражает концепт «имплозии масс», то власть в рамках публичной политики не следует общественному мнению (доксе), но сама его формирует на основании уже принятых решений. С этим связан общий кризис механизмов выборов, представительства, законодательной власти, призванной выражать волю и суверенитет народа, и рост волюнтаризма исполнительной власти, выражающей волю политических элит.

Метапарадигма, легитимировавшая власть через борьбу между тотализирующими идеологическими концепциями политики, больше не работает, так как трансидеологическое состояние реальной политики привело к смерти «великих идеологий». Различные эрзац-термины типа «новые правые» или «новые левые», приставки «нео» или «пост» указывают именно на крах нормообразующего знаково-энкратического метаязыка политики, когда «вчерашние концепты» неспособны верифицировать и легитимировать властно-политическую реальность Постмодерна.

---

¹ См. напр.: *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы. С. 384-392; *Фуко М.* Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. С. 7-47.